

КАЗАЧИЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ СБОРНИК

№ 9.
Октябрь .

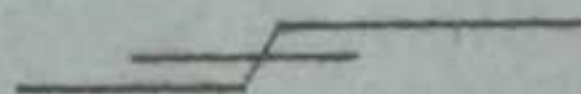
П а р и ж .

1959 г.

СОДЕРЖАНИЕ.

Стр.

1.	Казачество И.П. Буданов	I.
2.	Саркел - его - же	6.
3.	К истории Мамантовского рейда	9.
4.	Без стыда и совести	II.
5.	Полтавская битва	12.
6.	Атаманская одежда и вещи	13.
7.	Дон нетленный, стих. П.С. Полякова	14.
8.	Визит - П. А. Сокловой	15.
9.	Биография П.А. Сокловой	16.
10.	В степи, стих. М.И. Гаврилова	17.
11.	Биография П.М. Аврамова	18.
12.	Ковылий сказ, П.М. Аврамова	19.
13.	Два ареста, Ф.Д. Кривокова, восп. П.Ф. Кривокова	27.
14.	. . . . .	.
15.	Об антисемитизме, - Не антисемит	30.
16.	Еще о Казакии	33.
17.	О родственниках А.М. Каледина	34.
18.	Казачья печать	35.
19.	Казачья трибуна	39.
20.	От Редакции	42.

КАЗАЧИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ СБОРНИК.

RECUEIL d'ARTICLES SUR L'HISTOIRE COSAQUES.

№ 9.

Октябрь.

1959 г.

Париж.

ОТДЕЛ ИСТОРИЧЕСКИЙ.

И.П. Буданов.

КАЗАЧЕСТВО.

/Окончание/

Почти все движения против Москвы руководились лицами или родившимися на Дону или прожившими там, т.е. воспринявшими дух свободы и человеческого достоинства.

Благодаря этой казачьей свободе могли широко проявиться духовные силы, таившиеся в казацкости, это она создала Ермака, Хмельницкого, Разина, Булавина, Пугачева и др.

Риттих так отзывается об этих духовных силах Казачества: "такие типы, как Ермак, Богдан Хмельницкий обнаруживают необычайную мощь и силу духа породившей их среды и вместе свидетельствуют о богатстве и разнообразности её духовных сил.

I/ Уральский Кромвель /Пугачев/, Сибирский Морич-Саксонский /Ермак/ и Украинский Елачич /Хмельницкий/, дают блестящее доказательство того, как эта казацкая масса была способна к крепкой организации, какие военные таланты в ней жили и каким политическим смыслом и дипломатическим тактом она отличилась". /Риттих, 192/.

Лесэр так характеризует дух граждан московской тирании и граждан свободного казацкого государства: "Казачество страстно и пламенно к независимости, которой они никогда не умели пользоваться, образуют еще, на основе их конституции федеральной, военной и гражданской, особый класс от русской нации. Они не имеют ничего общего с ней за исключением религии и испорченного языка. Они существенно отличаются и своим характером, своим вкусом и своими обычаями. Русские - терпеливы, малоподвижны, работники, ремесленники и мелкие торговцы; Казаки - стремительные, порывисты, не любят ни земледелия, ни торговли, ни искусства. Они всадники и в действиях своих; Русские - пехотинцы, хладнокровны в своей безчеловечной жестокости. Одни имеют гордость, откровенность, дику добродетель жизни независимой и полукочевой. Другие - смирение, хитрость, покорность воле Божией и склонности народа, подвергшегося долгому рабству.

I/ Главным образом в той области деятельности, которая присуда была тому времени и той обстановке, в которой жили Казаки, окруженные врагами и не отделенные от них естественными преградами, где она, казацкая, только и могла проявиться, т.е. в военной.

2/ Лесер / I, 308/ говорит, что Казаки не любят искусства. Казаки любят, и очень любят и искусство и науку, но все сделанной Казаками идет под именем "русских". т.е. Великоросов, так как фамилии у Казаков образуются тем же порядком, что и у Великоросов, на "ов" и по этому признаку их нельзя различить между собой, тогда как украинские, польские и особенно иностранные фамилии резко отличаются от великоросских. / Казачьи фамилии должны собственно, оканчиваться на "ых" - Трайлиных, Петровых.

В Москве в Третьяковской галлерее находятся большие картины художника Сурикова, но ведь никто не знает, что он был Казак /енисейский/; было три ректора российских университетов - Казаки, были профессора, были артисты Казаки.

С другой стороны, как могло развиваться среди Казаков искусство, когда за "критические стихи" в четыре строчки /II слов/ были биты кнутом, по приказанию русского правительства, 10 человек с вырезанием ноздрей, с клеймением лица и ссылкой их в кандалах в Сибирь!

А дело с казачьим историком В.Д. Сухоруковым!

На Дону были классические гимназии в гор. Ростове и Таганроге, которые обслуживали жившее там неказачье население - Великоросов, Армян, Греков, Евреев, для Казаков же были гимназии в Новочеркасске и в ст-це Усть-Медведицкой, которыми пользовалось и неказачье население; эта последняя была закрыта, а вместо нее открыли военно-ремесленную школу, это уже специально для Казаков; закрыты 5 прогимназий, а вместо них открыты также воен.-рем. школы. Когда Казаки заговорили было об университете, то им намекнули: " вам нужен не университет, а манеж".

Насколько у Казаков сильно стремление к образованию видно из следующего факта. Одна из небольших верхних станиц на протяжении только одного поколения дала 6 юристов, 2 духовных академика, врача, инженера, несколько офицеров с средним образованием, несколько священников, окончивших духовную семинарию.

Энгельман дает такую характеристику Донских Казаков: " Они все /.../ острого взгляда, смелы, хитры, остроумны, храбры, горды, самолюбивы, пронырливы и насмешливы". /Рич. 136/.

Обобщая эти определения, можно видеть, что Казаку присущ динамизм, Великоросу - статика. Казаки, как народ динамичный, естественно шел впереди, как на войне /"Казаки глаза и уши армии", так характеризовал их Суворов/, так пойдут и в мирной жизни, когда они будут предоставлены самим себе.

Со временем Донское казачество было втянуто в орбиту Москвы, Запорожское - Польши, и при коррупции части войсковой старшины первоначальные казачьи идеалы несколько потускнели, и только в революции 1917 года все Казаки вновь обрели свое древнее право свободно выразить свои мысли и свою волю, но период этот был слишком краток, чтобы Казаки могли проявить их в полном объеме.

И тем не менее, несмотря на эту кратковременность и тяжкие военные обстоятельства, независимое существование Казаков было блестящим с государственной точки зрения - старые, благородные традиции Казачества ожили: белые уже из нынешней Руси находили там приют и выдачи их не было, всяк всякому был равен, возгорелась борьба за веру, за честь и свободу казачью против грядущего государственного порабощения личности; и все это не было только бумажной декларацией, а запечатлено безконечными мучениями Казаков и рассеянием их самих по всему миру.

/Донской Войсковой Круг предлагал представителям коренного крестьянского населения войти в Донское правительство на равных с Казаками на-

чалах /паритет/, т.е. одна половина членов Донского Правительства будет от Казаков, другая от коренных крестьян.

Все эти длительные переговоры можно было бы свести к такому диалогу. Представители крестьянства соглашались войти в Донское правительство, но задают вопрос: "а землей кто будет распоряжаться?" - Казаки; а если и вы хотите распоряжаться ею, то записывайтесь в Казаки. "А служить как?" - Как Казаки. Диалог оборвался!

...

Православная вера является ли она необходимым признаком Казачества в его политическо-общественном смысле?

Вера православная не есть особенность Казачества в его политическо-общественном смысле, она не составляет элемента необходимого для этого понятия; среди Казаков были мусульмане, есть и буддисты /4/. Но для нынешнего Казачества вера православная имеет существенное значение и она у них не была пустым звуком, только обрядностью, как было то на Москве, она проявлялась в форме реального гуманизма, и религия даже помешала /5/ Донским казакам войти в более близкие политические отношения, в союзе с мусульманским миром, Крымом, Турцией, Ногаями, и тем в большей степени укрепить бы свою независимость от Москвы.

И этот Казачий гуманизм, человеколюбие заставило поднимать восстания за освобождение крепостных. Будь Казаки прагматичнее или, как теперь говорят, держись они "реальной" политики, им было бы гораздо выгоднее оставить крепостных так, как они были.

Не имеет никакого значения для Казачества, в последнем его смысле, и язык: грамота от в. кн. Московского - 1508 г. / Казакам Городецким была написана, как уже говорилось, по татарски, и Волжским Казакам /1614г./ также татарским письмом. Еще в середине 1750-х гг. Донские казаки и казачки любили говорить по татарски и это считалось даже знаком хорошего образования; в 1767 г. Ф.З.Беер пишет: "я доброхотно употребляю турецкого языка к изъяснению казацких речей". /Беер, Ф.З. География Российской, 15/

Все это несомненно свидетельствует, что для понятия Казачества, в его широком смысле, вообще ни племя, ни язык, ни вера, не имеют решающего значения.

Великорусские историки не обратили внимания никакого на происхождение первоначальных Казаков, ограничившись лишь русскими Казаками, дав им приятное определение - разбойников, грабителей, бродяг.

Забелин, козакофоб, рассуждая специально о казачестве русском, пишет, что ему не совсем понятно широкое распространение смысла "казачество". Он говорит, что "казаками" назывались особенно в северных пре-

---

4/ Мы послали своих Татар... своих калмыков", писали с Дону Московскому царю.

Великорусский элемент в составе Казачества также не является основным, т.к. происхождение Казаков не великорусское и начало Казачеству было положено вовсе не Неликоруссами.

5/ и истинную, православную крестьянскую веру /.../ помним и крепко держим /.../, ни при которых бывших царях, мы, мы донские атаманы и казаки, Мурат-салтанам не служивали и через турецкую землю не хаживали" /Ист. отн. 183 /.

делах деревенские волостные жители, равнявшиеся по своему значению бобылям /6/ батракам. Затем, казачеством обозначался именно только особый род войска /7/, т.е. особым отрядом народной массы, имевшим свое специальное назначение, если же оно и было народом, то в том же самом смысле, в каком был народом и бояре, и дворяне, и крестьяне и потому многое /Забелину/ очень трудно понять, каким образом казачество /не более как только военная сила/ может пойти в наших /с Костомаровым/ разсуждениях с значением народа". /Заб. М.и П., 192-193/.

Проф. Ключевский, как уже говорилось, тоже утверждает, что "Казачество составляло с л о й русского общества, некогда распространенный по всей Руси" /Ключ. III, 131-132 /.

На Москве Казаки, действительно, были как бы родом войск со своей особой службой /"служил тебе к а з а ч ь в службу"/, так же как там были и другого рода войско-боярские дети, стрельцы, пушкарки. Эти войска создавались искусственно и из этого рода войск не только не создавалось государства, имеющего свою территорию со своей верховной властью и со своими законами, но даже не создавалось какой либо общины с таким наименованием, ибо они действительно были только р о д о м войск, и у них не было никаких психополитических предпосылок об их презнем государственном существовании.

Аракчеевские военные поселения, навеенные казачьим устройством, тоже не создали государства. Чтобы удерживать их вместе, требовались извне жестокие меры, и поселения эти в конце концов отменили: у лиц, которые жили в поселениях, не было идеи, они представляли собой лишь механическое соединение.

Временные идеи создавали временные организации, но как только идея исчезала, исчезали сами собой и организации. Казачество-же надо было разрушать извне и притом мерами крайней, неслыханной жестокости.

Казаки, будучи особым народом, появившись из Средней Азии, находились в вел. кн. Рязанском, Московском, в республиках Новгородской, Псковской, в Золотой /Кипчакской/ Орде и везде они были особым н а р о д о м, а не слоем; проживая долгое время в этих землях, они обжившись на новых местах и, освоивши местный язык и веру, которые им были чужды, Казаки, вкрапленные в иную народную среду, впоследствии действительно заняли в этих землях положение некоторого слоя в государстве, вернее даже сословия, ибо были, напр., на Москве. Казаки, были казачьи дети, как были боярские дети, казачьи внуки, казачьи племянники, даже казачьи зятья, но положение их все же было отличным от других слоев, особенность эта заключалась в том, что они были свободными и от тягла, и от принудительной службы, они там были вольными и их, за долги, напр., нельзя было арестовать.

• • •

Есть ли у Казаков мистика?

Под мистикой надо разуметь нечто возвышенное, не связанное с материальностью, безкорыстное и жертвенное, это есть безотчетное стремление к чему то возвышенному и чистому.

6/ Бобыль - селянин без пахотной земли.

7/ "Как-бы то ни было, остается все таки верным одно, что Казачество и по народным, и по казацким, и по государственным понятиям, значило не другое что, как только особый род войска, ратных людей особого состава, коих назначенье было служить, брать, а не давать кормление"/Заб. М. и П., 198/. На Москве Казачество понималось по своему.

Всякий народ имеет свою мистику, но у одних народов она исходит из глубин народной души - подлинная мистика, у других же она искусственно привита.

Подлинная мистика хранится безотчетно в душевных недрах самого народа и о ней не кричат, а тот народ, который лишь кричит о ней, о своей мистике, в действительности ее не имеет, она у него напускная, искусственно созданная, искусственно разогженная.

У Немцев мистика - возродить людей, у Поляков - мистика носителей и руководителей подлинного Славянства, у Великорусов - была мистика, "выскусный град", теперь у них другое - создать нового человека. Но все эти мистики суть искусственного порядка, идущие от рассудка, а не от души, от мозга, а не от сердца.

И у Казаков вне всякого сомнения существует мистика, но как мистика подлинная, она ими еще не осознана, не понята.

В чем же состоит казачья мистика?

Это разумная свобода, подлинный демократизм и достоинство человеческой личности и справедливости. В этом, не только московском, но и других народов, море рабства, угнетения и унижения личности, Казачество являлось идеалом, к которому стремились люди со всех сторон, не потерявшие в себе чувства человеческого достоинства.

"Все земли завидовали нашему хитрю". А проф. Покровский передает, что у старообрядцев по их духовным откровениям "на Дону в кругу появляется сам Спаситель. /Покровский - Рус. ист. с древ. времен, т. II, изд. 3, стр. 164 /.

Независимые /9/ Казаки никогда не были крепостными и с крепостническим положением других они плохо мирились: вооруженная интервенция Степана Разина во внутренние московские дела, движение Кондрата Булавина в защиту независимости Дона, революция Емельяна Пугачева, современная борьба Казаков против государственного рабства наилучшие тому свидетельства - никакой корысти в этих движениях Казаки себе не искали, а несли они только одни жертвы, до своей жизни включительно ради освобождения от рабства великого русского народа.

Вот почему у великорусского простонародья Казак есть символ вольности.

Таким образом существенный элемент современного казачества, понимаемого в его общественно-политическом смысле, является свобода и достоинство человеческой личности; в духовно-моральном же смысле - реальный гуманизм, имеющий своим корнем христианскую религию.

Казаки-буддисты, живущие на Дону /Калмыки/, в отношении идей свободы и реального гуманизма ничем не отличаются от Казаков-христиан: от господствовавшего в их государстве произвола они ушли на Дон, к Казакам, а в храмах своих они молятся за "всякое живое существо".

. . .

9/ Деление Казаков на "вольных", "служилых" и "независимых" до сих пор еще путается историками. В одном из следующих номеров КИС, мы этому вопросу посвятим особую статью.

Что же касается наименования "Донское Казачество", "Кубанское Казачество", "Терское Казачество", "Яицкое Казачество", то оно должно бы быть теперь оставлено, ибо слово "Казачество", как и "Казачность" относятся к области духовно-моральной и политическо-общественной, а не к названию государственной организации, поэтому следует писать и говорить "донские Казаки", "Кубанские Казаки", "Терские Казаки" и т.д.

Не говорим же мы "Киевское Русачество", "Московское Русачество", "северное Русачество", как не говорим Украинство, Москвитянство, Россиянство, а говорим и пишем "Киевская Русь", "Московская Русь", "Северная Русь", Украина, Московия, Россия.

И.П. Вуданов.

САРКЕЛ.

Артания, княжество на Дону, и Саркел, крепость то-же на Дону, суть два загадочные места нашей Донской территории.

Если историки совсем мало касались Артании, то много больше было уделено внимания Саркелу, хотя существование их относится почти к одной и той же эпохе 850 - 950 гг. и к одной и той же территории.

Местоположение Саркела историки относят к разным местам. Так о местоположении Саркела Татищев говорит, что "Беловежа, иначе Саркел, город на Донце, построен он был греческим архитектором Петроном и Пафлагоном, присланными от греческого императора Феофила по просьбе Хазарского когана /889 г./, недалеко от того места, где впервые Белгород Русской в 1591 г. построен был".

Датский ученый Сума высказывает мнение, что при Донце или Малом Доне, а по древним писателям при самом Доне, Хозары заложили крепость Саркел, чтобы сдерживать Северян и некоторые другие народы в повиновении; другие думают, продолжает Сума, что построен Саркел был для удержания набегов Пацинаков /Печенегов/, но, Пацинаки, вероятно, пришли позже в эти страны" /Сума, 37/.

Карамзин считает, что Терклия /Городище/ находилась около Качалинской станицы.

Тизенгаузен кладет Белую Везу у Большого Перевоза /Переволоки/.

" Русь, говорит он, нередко отправлялись в Азовское море, и вошедши в устье Дона, поднимались против течения этой реки до Хозарской крепости Саркел или Белой Везы, отсюда волоком переносили свои товары до Волги и потом спускались по ней в Итиль или плыли вверх в Булгарию" /Запис. Гл. Архл. О-ва, VI, отд. I, 1835 г./

Иначе высказывается Жан Потоцкий, а за ним и проф. Кляпрот.

" Я заметил, говорит Жан Потоцкий в своем "Путешествии", когда он проезжал по Донской земле, станицу Белолевскую, которую я всегда рассматривал как Несторовскую Белую Везу и Саркел или Белую гостиницу. Географ Дюлли помещает Саркел в Белгороде, но это потому, что он не читал Нестора". /Потоцкий, Путешествие, I, 18/.

К этим словам Потоцкого проф. Кляпрот делает примечание, в котором говорит, что Саркел по хазарски значит "Белая станция", находится она приблизительно в 175 верстах ниже устья р. Медведицы; на правом берегу Дона есть станция, называемая на наших картах Трех-Островной, а жители называют ее Беляева или Белая. Это наименование соответствует наименованию Белавеза". /Ж.Потоцкий, путешествие, I, 18/.

Лербори возражал против тех, которые полагали, что Саркел находился по соседству с Белгородом на Донце, он клал его близ Черкасского /Старый Черкасск/, т.к. в соседстве его лежала большая дорога, и в этом

месте кочевники степей подножья Кавказа переходили реку, чтобы охранить этот переход, Хозары построили в этом месте крепость Саркел, дальнейшая судьба которого неизвестна.

Но, от этого своего взгляда Лербер, как кажется, впоследствии отказался. Совершенно отдельный взгляд по этому вопросу высказывает академик Бутков. Он говорит, что в имени Саркел заключается не Белая Гостиница, как сказал Константин Багрянородный, и не желтая, как другие объясняют, но осетинские слова: сарь-голова, калаки - город; ибо, по соображениям Буткова, Саркел или Саркалак стоял на земле подвластных Хозарам Масов, или Осетинцев подонских, соплеменных кавказским, при слиянии Донца с Доном, у теперешней Роздорской станицы, первоначальном приюте низовых Донских казаков в половине XVII века /Бутков - Оборона/.

Удален будучи от Азова на 128 в., Саркел есть то самое место, которое Герберштейн означает в 4 днях пути от Азова и называет оное Ахасом, конечно, потому, что Монголы звали тамошних обитателей Ас, Акас. /Бутков, 285, пр. 106/.

По мнению Буткова, Саркел, в котором находился трехсотенный гарнизон из Хазар, был построен для препятствия Печенегам переходить Дон с западного на восточный берег по ясному сказанию византийца Леонтия, продолжателя Феофанова. Печенеги кочевали тогда не за Волгой, где искал их Карамзин, а на правой стороне Дона и Донца: их знает между Днепром и Доном Лев Граматик раньше 838 г. /Бутков, 285 /.

Выбор места при слиянии Донца с Доном, Бутков объясняет и удобным стратегическим положением: не даром в 1593 г. Московский царь грозил Донским казакам поставить там свой город, и Азовцы тоже замыслили построить город на Роздоре - же.

Как Карамзин, так и Кляпрот основывают свое мнение о местоположении Саркела на записи в путешествии митр. Пимена в Константинополь в 1389 году.

В ней говорится так: "Таже минуха и Черленый-Яр - реку, и Бетин реку, и Похорь реку, В недель-же пятую, о Самарянина минухом плывуще реку Медведицу и Горы Высокия реку, и Белый Яр реку. В понедельник же плывуще минухом горы каменные Красные, во вторник-же Терклив град минухом плывуще, не град - же убо, но точию городище". /Петр. VIII, т. II, с. 96; Никон. IY, 16 /.

Тут спрашивается: есть ли имя "Терклия" испорченное имя "Саркел" или же это слово "Терклия" было подлинным названием этого города или крепости?

Так Тюркское название реки Сюту Великорусы обратили в Суету, а Казаки название речки Керман - в Карман.

Успенский /Чтения в МОИ и Д., 18992 ч. I, с. 224/ говорит, что Саркел Византийцы построили для себя где-то на нижнем Дону, чтобы восстановить там свою власть и, кроме того, покрепче держать в руках Херсон; через это укрепление они входили в связь со своими сорзниками против Хозар-Аланами.

В настоящее время в науке довольно прочно держится взгляд, что Саркел находился в этом месте Дона, где эта река приближается к Волге, т.е. около станицы Качалинской /его ссылка - Прописи IY, с. 524/. Основания такому выводу следующие: по свидетельству Конст. Багрянородного корабля с материалом для постройки подымались вверх по Дону; по его-же свидетельству Дон идет от Саркела; по уверению Скилицы-Кедрина Саркел был построен против Печенегов, т.е. западных соседей Хозарии; в вышеупомянутом городище Качалинской станицы в разное время были найдены кирпичи такой выделки, что многие готовы принять их за

изделии Греков /прим. 872. Впрочем и в других местах попадаются такие/. А так как Саркел Греки строили из кирпича своей работы, то и это обстоятельство как бы говорит за старую теорию". И Успенский заканчивает так: "справедливость требует заметить, что многие из этих положений весьма шатки, след. мнение о положении Саркела около станицы Качалинской не так-то прочно, как кажется".

Советские же историки пришли к такому заключению что "Местоположение Саркела удалось точно установить в результате работ северо-кавказской экспедиции ГАИМК у станицы Дымлянской на левом берегу Дона." См. литературу о Саркеле в работе М.И.Артамонова - Средневековые поселения на нижнем Дону. Л.1935 /Визан. Врем. У1, М. 1953 Левченко, пр.на с.30/.

Кроме того у Нестора, напр. в в Лаврентьевском с. где под 965 г. говорится кратко: "и доде Святослав Козаром и град их Белу Вежу взя", причем в Белой Веже усматривают Саркел; в другой же летописи говорится: "и град их и Белу Вежу взя", но в русских летописях слово "Саркел" совершенно отсутствует.

Можно ли признать что Бела Вежа и Саркел есть одно и то-же?

Под "вежами" в те времена разумелись обиталища всякого рода -палатки /иатры/, подвижные телеги, на которых жили, а потом под этим словом разумелись и постоянные дома /см. Лавр. л., 121, Флечер, 69; Ламанский, 58, пр. 1 Рус. Ист. Сб. I, 117; Чтения, т.7, 1847 /.

В лето 6617 /1109/ Дмитрий Иворович взя веже Половеческое у Дону. ... и вежа и стада /Половцев/ по сей стороне Днепра, по Русской"

" Вежу-же его /Михаила Тверского/ разграбила Русь и Татарове".

Но слово "вежа" впоследствии получило и другие значения; оно означало: башню, колокольню, замок, острог, тюрьму, шатер ханской ставки, громадный и высокий, полевое укрепление; шалам или дом лопарей.

" Белоу Вежей называли, в старину, шатер кочующего царя /в лет.Архангелгород, Моск.Типогр. 1781 г. "а Царь Иван сам вскочи в Белу Вежу цареву Ахматову"/.

В Новгородской губ. оно значит грань, рубеж, граница, межа." На самой веже" значит - на границе, или на меже.

В прежние времена города, состоявшие из небольших домиков белого цвета, назывались "Белыми Вежами", что будет совершенно равнозначуще современному "Белгороду".

Должно знать, что за Днестром на стороне обращенной к Болгарии, на берегу реки находятся пустыне города.

Первый город, называемый Лоченегами Белгород вследствие чрезвычайной белизны его камней. В Несторовой л. под 1117 г. говорится так: " том-же лето придоша Беловежи в Русь",

" Беловежи" несомненно жители Белой Вежи, и город этот соседил с Русью. В данном случае эта Белая Вежа могла скорее находиться в другом Белгороде, чем в устьи Дона.

Есть в настоящее время в северной Африке город Казабланка; на старинный славянский язык это название можно совершенно точно перевести как Беловеча: каза - значит небольшой домик, бланка - белый, на нынешний же язык, как Белгород.

Как прежде, так и теперь, как видно, жизнь совершается по одним и тем же законам природы и психики.

Название Саркела в русской исторической литературе обычно отождествляется с названием "Белой Вежи", но были ведь и другие Белые Вежи:

Мусин-Пушкин говорит; что была и еще Белая Вежа, в которой жили Греки и Козары; это был древний город греческий в устьи Днепра. Была

Белая Вежа в России, при верховьях реки Осетра, и деесписатели думают, что первые её жители были выходцы в III7 г. при князе Владимире Мономахе, из прежней Белой Вежи при Днепре, названной после для отличия под именем II47 Старой Белой Вежей" /Мусин-Пушкин, 32, пр.27/.

Кроме того Белые Вежи были в Переяславской княжестве и в Черниговском.

Но Белые Вежи - Белградцы были и в других государствах в Руминии - Болград, явно испорченное Белград, в Сербии - Белград, в Германии - Белгард, во Франции - Бельгард/.

Однако на Дону кроме Саркела существуют и другие городища. Из них, начиная с севера, самым крупным является Козарское городище на р. Воронеже./Тут же есть и Козарское поле/; Маяцков при Тихой Сосне; Терклия - ниже р. Усть-Медведицы; при Большом Перевозе /Переволоке/; Цимлянское - при р. Цимле; Салтовское - при устьи Дона; все это суть остатки Козарских крепостей, вероятно, внутренняя линия для защиты империи с севера и с запада.

Где именно находилась крепость Саркел остается все таки еще не выясненным, хотя советские историки и утверждают, что находился он в нынешней Цимлянской станице.

Прежде всего, что значит слово "саркел". Бутков, как уже говорилось, видит в этом слове испорченное название "Саркалак" т.е. головной город, или в смысле города, далеко выступающего вперед в пределах какого-либо государства; по другим "саркел" значит кладовая на случай войны, военный дом, а также стан хозарского правителя; по Константину Багрянородному это "белый дом", "белая гостиница". /Брокгауз/.

"Во всяком случае "сар" у Вогул значит белый, а "кель" значит дом". /Куник и бар. Розен. Известия аль-Бекри, 125, СПб. 1878 /

Лербер по этому поводу говорит, что Багрянородный назвал его Саркелом по неудачному переводу имени Белая Вежа с славянского языка на язык хозарский. Из этого выходит так, что основное название было славянское - "Белая Вежа"; это название было неудачно переведено на хозарский язык, как Саркел.

/окончание следует/

К ИСТОРИИ "МАМОНТОВСКОГО РЕЙДА".

Как известно, разрекламированный рейд ген. Мамонтова с донским казачьим корпусом в тыл красной армии, не принес никаких осязательных стратегических результатов для добровольческой армии ген. Деникина. Правда, был смелый прорыв красного фронта, была паника в главном штабе красной армии, но и красный генералитет очень скоро оправился от своего смертельного страха, когда детально рассмотрел пути мамонтовского рейда.

Прорвавшись в тыл красной армии, перед Мамонтовым в сущности было два пути: Первый - движение в Рязанскую губ., а значит и на Москву, второй - движение на Саратов, в Поволжье, с целью соединения с уральским казачеством и облегчения отступающей армии адмирала Колчака.

Ни того, ни другого сделано не было. Потоптавшись в Тамбовской губернии, охватив только в сущности части трех уездов - Усманьского, Тамбовского и Козловского, Мамонтов повернул на Елец и в Районе Воронежа опять вышел на территорию Дона.

В этом кратком очерке я не буду касаться стратегии, а только по-

литики. Но как известно, ген. Деникин "гнал в шею всякую политику", веря только в свою диктатуру и в приказы. А вот в случае с мамонтовским рейдом, ох, как нужна была именно политика. Будучи во время рейда Мамонтова в Тамбовщине, принимая активное участие в антоновском крестьянском вооруженном движении против большевиков, я и хочу поделиться с читателями-казаками своими воспоминаниями, ибо корпус ген. Мамонтова состоял из одних казаков /донских/, а значит и казачество несет какую-то относительную ответственность за неудачу этого рейда.

Прежде всего, тамбовские крестьяне и тамбовская сельская интеллигенция воочию убедились в том, о чем им днем и ночью талдычила большевистская пропаганда: - С генералом Деникиным идет старый режим, с помещиками, с дворянами, с буржуями, а главной опорой служат... казаки... Выходило фактически то, что казачество восстало против большевиков и советской власти за старый царский режим. И если сейчас, после большевистской практики русские крестьяне готовы променять советский режим на какой угодно, то в описываемое время крестьянская психология была другая. Даже такая в наше время мелочь, как "погоны", тогда вызвала ошутимую реакцию.

"Прогнав в шею политику" ген. Мамонтов сразу же, при первом столкновении с крестьянством вооружил их недоверием и подозрительностью. Ибо на все свои крестьянские вопросы они получали совершенно неудовлетворительные ответы. Прежде всего о верховной власти. Первый такой разговор с мамонтовскими офицерами происходил в селе Мордово. К начальнику мамонтовской части, остановившейся в Мордово пришла делегация от крестьян, во главе с учителем Лузиным, командиром антоновского отряда в Усманьском уезде. Вот как донес Лузин об этом разговоре Антонову:

"... Выборные от четырех волостей, а так же делегаты из моего отряда и из отряда Мишина, действующего в Тамбовском уезде, имели разговор с казачьим офицером занявшим Мордово. Разговор происходил в местной школе, кроме старшего офицера были другие казачьи офицеры. На столе стоял самогон и всякая снедь, принесенная бесплатно крестьянами Мордово. На мое объяснение, что вот ходяки от крестьян хотели бы поговорить с казаками, старший офицер благосклонно протянул: Что-ж, хотя от говорить и погибает Россия, можно немного и поговорить. На вопрос крестьянина Коробина, члена Учредительного собрания от Тамбовской губернии, - какую же казаки и ген. Деникин хотят поставить в России власть, офицер ответил: - Этот вопрос не нашего ума дело, мы должны разгромить жидов и большевиков, а там будет видно... - Значит, может быть и опять царь, - спросил Коробин. - Все может быть, - ответил офицер, а другие произнесли, - а, что, разве при царе было плохо... Вот, что принесла свобода...

На вопрос об Учредительном собрании, все присутствующие офицеры дружно проговорили, - какая вам еще нужна учредилка... Не наговорились что ли... Генерал Деникин несет твердую власть... Довольно, Великая, единая и неделимая Россия нуждается в твердом правителе, а как он будет называться, это не важно. Нужен хозяин России.

Наступило молчание. Немного помявшись, наши делегаты задали офицеру свой главный вопрос о земле. - Вот как обстоит вопрос о земле, что думает об этом генерал Деникин и семи казаки. Старший офицер подмигнул остальным и засмеявшись ответил: - Что, боитесь небось... Захватили землю у помещиков, а теперь страшно... Грабить и самовольничать никому не разрешается, на это есть закон... - Так как же будет

с землей, - опять повторили свой вопрос делегаты. - Не беспокойтесь, - ответил офицер, - дал бы Бог свергнуть эту красную банду, а там в Свободной Москве, с Божьей помощью разрешится и земельный вопрос... - Но как "разрешится", этого не досказал...

Выйдя из школы, делегаты в один голос мне сказали - нет, казачья власть и генерал Деникин, это не для народа... Сволочи и грабители большевики, но все таки они правильно говорят, - Деникин с казаками идет за старый режим... Нам надо думать свою крестьянскую думу и продолжать борьбу с большевиками, авось и остальная Россия подыметя... И против Ленина-Троцкого и против Деникина с Колчаком...

И этот разговор, и последующие имели одни последствия: по Тамбовским селам и деревням разнеслась весть, - казаки с ген. Деникиным идут против народа... Не буду описывать проклятия по адресу казаков, "которые и при старом режиме и сейчас выступают против народа"...

Неудивительно, что при приближении мамонтовских частей, многие села и деревни оказывались пустыми, жители убегали в леса и в овраги, угоняя скот, а главное лошадей. Но справедливость требует отметить, никакого насилия мамонтовские части не производили... Правда, пытались и брали фураж для коней бесплатно, но для крестьян это было все равно, берут красные, берут белые...

Посылая Мамонтова в тыл красной армии, Деникин не считал нужным, снабдить мамонтовский корпус пропагандистами, агитаторами. Не было и никакой антибольшевистской литературы, правда, на своем пути мамонтовцы разбрасывали и раздавали листовки ОСВАГ-а, но какие это были бездарные, глупые и бесполезные... Карикатуры на Троцкого никого не трогали и ничего не говорили сердцу тамбовских крестьян, которые только по наслышке, что то знали об евреях... Большевицкие продовольственные и карательные отряды состояли из русских рабочих, без единого еврея...

И если ничего существенного для Деникина не принес этот Мамонтовский рейд, то для большевиков он принес пользу....

А Мамонтовский рейд обесславил и опозорил казачество, что-ж было удивляться озлобленности русских крестьян /не говоря уже о рабочих/, против казаков, после окончания гражданской войны...

И на Дону, на Кубани, на Тереке повторилась та же история, что и в Сибири и на Дальнем Востоке. Предательская политика Колчака и Деникина, вооружила русских крестьян против казачества, - оказались разгромленными и разграбленными казачьи станицы, а самое слово "казак" стало синонимом - "враг народа"...

Терский казак М. Л -н.

БЕЗ СТЫДА И СОВЕСТИ.

В Русской монархической газете "Русская Жизнь" - в Сан-Франциско, в пасхальном номере помещен краткий очерк под заглавием: - "Соловецкий монастырь в прошлом". Опуская начало очерка, приведу выдержку из середины, так как это для казачества самое главное:

" В царствование царя Алексея Михайловича, монахи Соловецкого монастыря в течение семи лет отбивались от царской рати, не желая принять новые "никоновские книги" и молиться за Царя. В это время к монахам соловчанам присоединился всякий сброд, включая РАЗБОЙНИКОВ из шайки

Разина, который, как говорит предание, и сам побывал в Соловках богомольцем...

Только благодаря предательству перебежчика монаха - Феоктиста, монастырь был взят, после чего главари восстания были казнены, а оставшиеся в живых монахи разосланы по разным северным монастырям...

Исторически верно, что монахи Соловецкого монастыря в течении семи лет отстаивали свой монастырь от царской рати, не воглашаясь с "реформами" пресловутого патриарха Никона, видя в этих "реформах" измену древнему православию, как оно было предками принято при крещении от Греции. Но русским монархистам и сторонникам казенной синодальной церкви этого мало... Чтобы уронить, загрязнить героизм соловецких монахов, монархисты присоединили к ним "всякий сброд и... разбойников из шайки Разина"... Спрашивается, - откуда это взялся "всякий сброд", в пустынной в то время и мало заселенной Архангельской области. И что же это делал там "сброд" до сопротивления Соловецкого монастыря... И каким образом, в этой северной окраине оказались разбойники из шайки Разина"... Ведь всем известно, что Степан Разин действовал в Поволжье, оттуда он совершил свой поход в Персию, с Волги Разин и начал свое знаменитое историческое движение на Москву, подымая и увлекая за собой поработенное русское крестьянство".

Замечательный и конец этого грязного монархического очерка: - "Главари восстания были казнены"... Но кто стоял во главе соловецкого сопротивления... Во главе сопротивления стоял СОВЕТ СТАРЦЕВ, наиболее чтимых молитвенников Обители. Вот эти то "главари" - старцы, с своим настоятелем и были казнены. Казнены старцы и схимники, вышедшие из своих затворов защищать свою святую обитель, во имя заветов св.Засимы и Савватия.

Отрепья старой монархической рвани в эмиграции, озлобленные, ничему не научившиеся, продолжают и в эмиграции клеветать, распространять ложь, извращая по примеру большевиков историю.

"Для русских монархистов и до сих пор Степан Разин только "разбойник", только необъяснимо, как же это так "разбойник" повел за собой русских крестьян, на разбой что ли... Что то странно, что русские крестьяне - рабы, вдруг воспылали "разбойной психологией"...

Потерявшие остатки стыда и совести, русские монархисты не отстают от своих собратьев - большевиков. И казаки это должны помнить. Крепко помнить.

Казаки - Старообрядцы.

ПОЛТАВСКАЯ БИТВА.

В настоящем, в 1959 году исполнилось двухсотпятидесятилетие блестящей победе Петра I над Карлом XII под Полтавой.

Этому событию были посвящены и собрания, и газетные и журнальные статьи.

Но были ли это Полтавское сражение действительно блестящим?

По внешности - да: Карл был разбит вдребезги, а по внутреннему смыслу, как-то Ч.Ф., проявлению военного искусства т.е. маневров, так таки - нет.

Возьмем положение сторон.

У Петра I-го - 80.000 войска - у Карла - 24.000.

У Петра I - 72 пушки, а у Карла - 4 и те почти без пороха.

У Петра I военных снарядов, продовольствия и другого снабжения в изобилии, - тогда как у Карла полное отсутствие их, армия его почти голодала. Петр имел обеспеченный тыл, тогда как Карл что называется висел в воздухе и должен все необходимое получать из Швеции.

Окружающую местность битвы великорусы знали хорошо, тогда как Карлу она была совершенно неизвестна. Посланный им ночью отряд в 5000 драгун под командой ген. Гретц, чтобы ударить во фланг великорусам, не зная местности - сбился. А что могло получиться, если-бы эта фланговая атака произошла?

Наконец, Петр был здоров, Карл - же ранен, а это на психику войск имеет большое значение.

Но само главное значение для поражения Карла имела битва при дер. Лесной, когда к Карлу шел из Швеции огромный обоз в 7.000 телег.

Эту битву при дер. Лесной сам Петр назвал, "матерью полтавской победы" /виктории/; весь вопрос победы под Полтавой заключался именно в этом сражении - Карл был лишен всего.

Однако, никто из историков не отметил, что в битве при Лесной решающую роль сыграли Казаки под командой атамана Ефремова; их было 8-10 тысяч и это они окружили обоз и заставили Левегаупта бросить обоз.

Значение Казаков при битве при дер. Лесной замолчано также, как замолчано их значение и при Бородинской битве, когда они спасли Русскую армию, оставшуюся без пушек и снарядов от её окончательной гибели.

АТАМАНСКАЯ ОДЕЖДА И ВЕЩИ.

В 1630 г. Донским Кругом был казнен посол московского царя Иван Карамышев за грубое оскорбление им Донского круга. Когда после казни прибыл в Москву ат. Васильев Наум с 70 казаками, провожавшими московских послов, возвращавшихся из Константинополя, то Московский царь в отместку за казнь казаками Ив. Карамышева, велел схватить этих сопровождавших казаков и часть их казнил, часть разослал по городам; оставшемуся после них имуществу составлена была опись.

Опись имущества Атамана представляет интерес в том отношении, что она показывает одеяние атамана и старшин.

Выписку эту делаем целиком.

" Атамановы рухледи в сундуке: Чюга, чарка, ковш серебрян, чарка винная серебряна; калитка серебряна; ставик медной позолочен; а в нем ожерелье нус /ж/кое жемчужное; серьги золотые з жемчуги; низано по казачкии, золотников с пять жемчугу; перстни золоты со вставками; от риз оплечье отласное; чюга отласная золотая, пуговицы серебряны; чюга камчатая червчатая бес пуговиц, чюга отласная ала, пуговицы шелковые, чюга камчатая, светлозелена, пуговицы шолковы; чюга /атаба/ обьяринная золотая по червчатой земле, пуговицы шолк червчат з золотом; кафтан отласный червчат, нашивка серебряная частая; 3 фаты шелковые розные цветы; чюга обьяринная теплая, без рукав, испод куней пуговицы серебряны; поларшина отласу; наволока подушечная, шито золотом и серебром по червчатому отласу; пол 2 аршина бархату червчатого; соболев хвост; яблоко серебряное; 2 лоскута горностайные; епанча обинная, пуговица одна серебряная; шепка женская золотая. Вк коробе образ Николи Чудо - творца, обложен серебром, позолочен, на кипарисе; евангелис на престольное, оболочено отласом золотым, евангелисты и застежки серебряны; 2 охтая, 2 псалтири, потребник, минея общая; апостол; 2 часовника, все

книги печатаные. Чьга обьяринная, золошая по вишневой земле; часы путные боевые, медные позолочены; 3 ризы поповских.

А оказал атаман Наум, что те книги и ризы войсковые. Оброз /в той же коробке/ моленья атамана Наума - складни на киперисе; образ Пречистие Богородицы, Николы Чудотворца, Василья Блаженного и иные святые, обложены серебром; образ Пречистие Богородицы Казанские на кипарисе-же, 7 рублей с полтиной да золотой к -ка Елизарьева". /Лист с дальнейшим перечнем вещей, среди которых в коробе находились и книги, утерян /.

/ Д.Д. 332 /

Чьга /стар./ - узкий кафтан с рукавами по локоть, приспособленный к путешествию и верховой езде, для чего он подпоясывался кушаком, поясом или тесьмой.

Обьярь /стар./ - плотная шелковая ткань, с золотыми и серебряными струями и разными узорами. Обьярь была лазорева, ала, по червчатой земле, по серебряной земле, по белой земле. Из нее делались платна, кафтаны, кожухи, опашни, зипуны, фережи, летники и др.

Камка /стар./ - шелковая цветная ткань с разными узорами. Употреблялась на кафтаны, шубы, шапки, чулки, одеяла и т.п.

Таста - мягкая шелковая ткань полотного переплетения.

В следующем номере мы сделаем анализ одеяния рядовых казаков, как оно выходит из той-же описи.

И.В.

ОТДЕЛ ЛИТЕРАТУРНЫЙ.

ДОН НЕТЛЕННЫЙ.

Дон нетленный...Дон небесный...
Там, очищены могилой,
Стали наши строем тесным,
Войском грозным, безтелесным,
Ратью Божьей. Божьей силой.

Их сердца под чекменами
Мерно глухо, ровно бьют,
Смотрят мертвыми глазами,
Пики мертвыми руками
Крепко стали... Молча ждут!

Сотни. Полчища. Станицы.
Корпуса. Полки. Стряды.
Грозни их немые лица,
А по шилам - кровь струится!
И на землю - все их взгляды!

Впереди - Один... Крылатый!
Стрелы. Лук. Да конь гнедой.
Светят тускло шлем и латы,
Ждет сигнала - час расплаты,
На-голо палаш кривой.

Перед ним отряд дозорный:
Кони карие, в пополах,
Но - закрыт он тучей черной
Лик святой, Нерукотворный,
На казачьих на знаменах.

Тучи...тучи... тучи... Скрыли!
В небе чудное виденье...
Дон небесный! В божьей Силе,
Ты - залогом Воскресенья!

П. Поляков.

/Отрывок из записи о былом "Кавкази Ермакови"/

Приехавшая Лида на другой день церемонно отправилась к Лапиным "с официальным визитом", одетая в парадную форму, шурша сборчатым темно-бордовым платьем, кончавшимся белыми рукавами из под белоснежной пелеринки с пышным у подбородка бантиком. На улице, поправляя развеваемые ветром белые передник и пелерину, девочка смущалась наблюдавших её из окон любопытных.

Восхищенная бодрым видом пополневшего, возмужавшего, ставшего более представительным и красивым Игнатом Васильевичем, она почти не узнала раньше бывшую, как "румяное яблочко", а теперь отяжелевшую, не поворотливую, в какой-то широкой разлеталке Варвару Петровну с похуже, покрытым темными пятнами лицом. Варвара Петровна вышивала зайчиков на маленькой простынке, а Игнат Васильевич начал беседовать с Лидой, слушая её рассказ о школьной жизни, о преподавателях и изучаемых предметах:

- "Этот год, в первом классе, мы проходили "краткий курс Отечественной Истории", а во втором будем учить Древнюю Историю Греции и Рима, затем Средние Века, Всеобщую и Новую Историю. А в шестом классе проходят "Полный курс Русской Истории". Учебник Платонова, вот такая толстая книга". - Показала она двумя пальцами объём большого тома.

- "А с Историей Казачества вас, конечно, не знакомят?" - с нескрываемым сарказмом, перебив её, спросил учитель.

- "С Казачьей Историей?!.. Не знаю... В каком-же это классе преподаётся Казачья История? Может быть, в седьмом или восьмом. Совсем о ней не слышала". - Отрицательно ответила девочка и вдруг, что-то вспомнив, добавила: - "Значит, правда, - есть и Казачья История? Один раз Клава Савельева говорила, что её дядя казачий историк. Но нигде в Новочеркасске, ни в одной средней школе он, кажется, не преподаёт. У него какие-то неприятности, с кем, не знаю". - "Савельева? Как зовут её отца?" - Живо заинтересовался Игнат Васильевич.

- "Петр Петрович". -

- "Так это же брат нашего донского историка. Савельев не преподаёт, а пишет казачью Историю". -

- "... Пишет Казачью Историю..." - В недоумевающем раздумьи повторила девочка. - "А мы тогда Клаве Савельевой не очень-то поверили; думали, что она что-то путает, говоря о Казачьей Истории". -

Игнат Васильевич покраснел и кратко, но с жаром рассказал Лиде о Савельеве и его труде, огорченный её полной неосведомлённостью, отсутствием элементарных знаний о казачестве. - "В Донской Музей вас, говоришь, классная дама водила, а не преподаватель истории... Что-же ты там видела?" -

- "Много старых - престарых, очень ветхих флагов, - знамёнами называются, - царскую коляску и кольчугу Ермака, гранаты, потом всякие старинные вещи под стеклом". -

Игнат Васильевич, слушая свою бывшую ученицу, всё заметнее волновался, особенно-же огорчился её повествованием "об одном параде", куда их всех тоже водили:

- "Все мужские учебные заведения Новочеркаска под музыку шагали по Соборной площади. Некоторые такие смешные, - шли плохо, даже спотыкались. Старший брат моей подруги, гимназист, поскользнулся и чуть не упал. Мы хохотали. А, как потом Валя говорила, он возмущался, что его

тоже как и всех, заставили заниматься шагистикой - маршировать". -

Вздыхнув, Игнат Васильевич спросил Лиду: - "Видела-ли ты Наказного Атамана с Донским Перначем и вынесенные из Музея исторические реликвии?" -

- "Не заметила. Было много народа, военных особенно, и кто их них Атаман, не знаю. Все шли откуда-то с Платовского проспекта и, кажется, действительно, кое-кто что-то нёс". -

- "Значит, вам никто из преподавателей ничего не объяснил об этом большом казачьем национальном празднике и параде в день Покрова?" -

- "Нет. Никто ничего не говорил, а просто сказали, что ведут на парад. Мы долго стояли на площади, даже устали". - Словоохотливо докладывала девочка.

- "Но ученицам старших классов, наверное-же, кое-что сообщили о значении этого донского торжества?" -

- "Мы стояли около восьмого класса. Они тоже, как и мы, слушали музыку и смотрели, как проходили маршем ученики, а про самый праздник никто из восьмиклассниц ничего не разговаривал. Когда парад кончился, нас всех, в парах, повели обратно в училище. Вот и всё". -

- "Стало быть, ты ничего не знаешь, а казачка. Плохо дело". - Покачал головой Игнат Васильевич и, не сдержавшись, похвастал: - "Мой Васа иногородний, но душой большой казак. Он много знает по казачьему вопросу. Надо, чтобы этим летом вы с ним поближе познакомились. Он тебе, казачке, кое-что расскажет". -

Смущенная "натацией" Лида, что-бы что-то сказать, произнесла: - "Это ваш шурин. Петр Александрович вчера на Базках сказал, что его сын на днях приедет". -

- "Вот и прекрасно. С ним кататься будете по Дону на моей лодке". -

Огорошенная этим неожиданным для неё прозвком, Лида поспешила закончить свой визит и, выйдя от Лалиных, погруженная в не совсем приятные мысли, не замечала, как легкий ветерок, точно парусом играл её форменной пелеринкой.

Аргентина.

П. А. Соколова.

Павла Андреевна СОКОЛОВА.

Родилась П.А. Соколова 26 мая 1894 года в станице Вешанской, Верхне-Донского округа. Окончила 8-классное епархиальное училище в Новочеркасске с золотой медалью; затем поступила на Московские Высшие Женские Курсы, на историко-филологический факультет, успев прослушать 6 семестров.

Будучи курсисткой, была секретарем редакции "Журнала для хозяек", писала в нем. Первые строки её были впервые напечатаны в "Задушевном Слове", когда она послала туда письмо, будучи ученицей 3 или 4 класса. Долго училась музыке /рояль/.

В гражданскую войну, попав домой и выйдя замуж за своего вешанского А.А. Лосозножкина, уже не могла попасть в Москву и её врожденное стремление учиться и профессорствовать, побудило её, за неимением новых возможностей, поступить в Ростове на зубоврачебные курсы.

Эмиграция. Попала в Константинополь; оттуда в октябре 1920 г. переехала с мужем в Болгарию, где давала уроки музыки, прирабатывала и концертами. В Париже с 1923 по 1935 г. работала и училась; заведывала

курсами кройки и шитья; написала книжку "Руководство по кройке"; поступила в Сорбонну, получив /в 1928 г./ диплом преподавательницы Французского языка; также училась в институте Восточных языков. В Шелль имеет свой маленький домик. В 1935, соблазненная пропагандой, переехала в Парагвай, откуда еле выбравшись, уехала в Буенос-Айрес, где принимала участие в русских газетах. В 1945 г. похоронила мужа, в 1948 вышла замуж за доктора Попова, скончавшийся в 1957 г.

В Буеносе окончила пчеловодные курсы, имела образцовую пасеку и много писала /по испански/ в аргентинском пчеловодном журнале.

В настоящее время П.А. преподает в национальном колледже Французский язык, а также является администраторшей богадельни, где она живет на полном пансионе и всем распоряжается.

Принимает участие в местных испанских газетах, в отделе мод.

В казачьих журналах принимала участие: в "Станице", "Обще казачьем Журнале", "Родимом Крае" и "Казачьем Историческом Сборнике".

П.А. написала роман - семейную хронику четырех Казачьих поколений "Казачьи Ермаковы", но, вследствие нашей общей некультурности /вещи надо называть настоящим их именем/, он до сих пор не напечатан.

В С Т Е П И .

Двоюродной сестре А. С.

Помнишь сестра это страшное время,
Можно-ль теперь нам про это забыть?
Годы души никогда не изменят,
Память о детстве всегда будет жить.

Помнишь? Курган над Таловой балкой,
В горести, будто, смотрел он на нас;
Юности нашей жестокой и далкой,
Видеть ему не хотелось в тот час.

Жаркое лето над степью настало,
Ветер с востока дул душный, сухой
В небе безоблачном солнце сияло,
Колос тяжелый клонился главой.

Зиму тяжелую мы пережили,
Хлеба почти не видали весь год,
Моги живые в станицах ходили,
Страшным казался, голодный народ.

Сколько людей теплых дней не дож-
дались,
С общую яму свалили их всех;
Думать о близких совсем перестали,
Стал безучастен к всему человек.

К лету надежда в сердцах появилась,
Будто на свет народились опять;
Падалка даже в полях колосилась
Всею, кому не было силы вспахать.

Дни, арбузы везде поспедали,
Просо согнулось дугой до земли;
Люди созреть ничему не давали,
С жадностью ели, что только могли.

Было нас три казаченка с тобой,
Старше, мудрее, тогда ты была;
Жали мы просо, нагревшись от зноя,
Жарко дышала в лицо нам земля.

Помнишь! Как просо потом мы топта-
ли,

Ты провеvara его на ветру;
Пищу тогда мы себе добывали,
В поте лица на девятом году.

Жутко везде тишина вдруг упала,
Чудилось, будто, в далских веках,
После татарского грозного вала,
Где то в степи притаился казак.

Труа.
30-5-1958.

М. Гаврилов.

Петр Матвеевич АБРАМОВ.

П.М. Абрамов родился в семье бедного казака одной из станций Донского округа. До 19-ти лет учился в духовной семинарии, которую, по недостатку средств, не смог закончить. С началом первой мировой войны поступил в военное училище, откуда вышел в 16-й Дон.каз.полк. В рядах полка пробыл всю войну, был ранен в руку. По прибытии на Дон /окт. 1917 г./ сформировал небольшой, имени П.-Ес. Боброва, партизанский отряд и с ним выступил в "Степной Поход", проделав его, после укрупнения отрядов, в 1-й пешей Семидетовской сотне, и к концу - в конной калмыцкой. По окончании "Степного Похода" строевая служба П.М. кончилась из-за глухоты, вызванной контузией /разрушение барабанной перепонки левого уха и повреждение правой/. На нестроевых должностях, в чине есаула, П.М. прослужил до прибытия в Крым, где очередной мед. комиссией был признан негодным к службе и уволен в отставку в чине войск. старшины /чин войск. старшины - за участие в "Степном Походе" - право на внеочередное производство, данное Войсковым Кругом всем участникам похода. За границей пробыл 2 года в Сербии, где научился столярному ремеслу, позволившему ему потом, во Франции, зарабатывать на жизнь. Для пополнения образования в вечерние, свободные от работы, в течение 2-х лет, прослушал курс Франко-Русского института социальных и политических наук. В 1932-м г. купил полуразрушенный деревенский домик с небольшим участком земли и за двадцать лет привел его в надлежащий вид. Во время второй мировой войны, в течение 3-х с половиной лет, П.М. скрывался от немцев в лесах, работая дровосеком. В 44-м г. вошел во фр. "резистанс". После войны переселился окончательно в деревню, нанявшись столяром на небольшой завод в г. Мэнтэнон. Тяжело сложившаяся семейная обстановка /неизлечимая болезнь жены - паралич ног - на долгие годы приковавшие к постели/ вынудили П.М. продать имение и переселиться с больной женой в город, по месту работы, где он, потеряв недавно скончавшуюся жену и живет в настоящее время. Не успел похоронить жену, как у самого хлынула горлом кровь, пришлось срочно сделать операцию желудка. Сейчас П.М. на выздоровлении, но с работой на заводе уже покончено навсегда.

В молодости П.М. увлекался поэзией. В 1917-м г. издал маленький сборник стихов - "Искорки поэзии". Одно из стихотворений /"Памяти друга"/, напечатанное в воскр. иллюстр. приложении к "Областным Ведомостям" в рубрике "Донские поэты", вошло в Казачью хрестоматию, изданную для начальных школ в атаманство П.Н. Краснова. Два других были напечатаны в "Донской Волне" /"Степь в лунную ночь" и "С насиженных мест"/, но по совету Виктора Севского П.М. бросает стихи и впредь пишет только прозой. В "Донской Волне" напечатала несколько рассказов и "Дневник степняка-партизана". Ф.Д.Крюков, бывший одно время литературным экспертом в отделе пропаганды, на рукописи "Дневника степняка-партизана" наложил резолюцию: "Написано талантливо, прекрасным языком и подкупающе искренно. Печатать 10.000 экземпляров". Напечатать "Дневник" отдельной книгой не пришлось. Начальник лит. части отдела пропаганды, из технических соображений /"слишком большой объем"/, попросил П.М., чуть ли не вдвое, сократить "Дневник", П.М. не согласился и отнес рукопись в "Донскую Волну", где она и началась печатанием. В отделе пропаганды П.М. напечатал пять рассказов, изданных маленькими книжечками. До Новороссийской эвакуации некоторое время был пом. редактора фронтовой газеты "За Родину". В Крыму - пом. редактора газет

"Голос Дона" и "Крестьянский Путь". За границей поместил 2 рассказа в "Казачьих Думах", 7 в "Родимом Крае" /30-31 гг./, 1 в "Казачьем Сборнике" /30 г./ и 1 в "Иллюстрированной России". В настоящее время П.М. сотрудничает в "Родимом Крае" и в "Казачьем Историческом Сборнике". В силу тяжелых жизненных условий последних двадцати лет у П.М. не было возможности заниматься литературной работой, к которой он только теперь, оставшись один, вернулся, до последней минуты используя время, оставляемое ему заводом.

. . .

Мы здесь печатаем "Ковыльный Сказ", описание степи, как введение к следующему "сказу ковыля". Введение это отличается теплотой и любовью к степи, этой кормилицы Казака.

С следующего номера мы начнем печатание, в виде приложения, т.к. рассказ большой - "Яровой сев", в котором описывается жизнь среднего рядового Казака, которым, собственно и держался Дон. Ни у Шолохова, ни Бирюка /Петрова/ нет этого описания жизни, а если и есть, то оно как бы в кривом зеркале. Впрочем, об этих писателях поговорим после.

. . .

КОВЫЛЬНЫЙ СКАЗ .

Кого не очарует, кому не приглянется статная молодая казачка, когда праздничным днем, разодетая в яркие ситцы, с кружевными оборками на рукавах и подоле, с алыми лентами в длинных девичьих косах, в разноцветных, радугой переливающихся на солнце, монистах, выйдет она из родительского куреня на улицу и бросая из под слегка "насурченных бровей" лукавый взгляд на парней, торопливым шагом, рдея от молодости, стыда и счастья, направится к подружкам, ожидающим ее у станичного плетня?

Всех чарует, всем приглянется.

Молодой казак невольно подбоченится, выставит левую, в начищенном до зеркального блеска сапоге, ногу, встряхнет головой, отчего фуражка с красным околышем сама собой сдвинется "на-бекрень", обнажив еще больше роскошно взбитый чубок и схватится двумя пальцами за верхнюю губу, где сейчас у него еле заметный пушок, но где, позже, вырастут длинные казачьи усы. Присмотрит, словом, ту неотразимо-гордую позу, от которой сильнее забьется девичье сердце, ярче заиграет, на слегка напояженных щечках, стыдливый оумянет...

Степенный семьянин и почтенный хозяин, при виде красавицы, одобрительно крикнет и тотчас же призадумается. Вспомнит про свою Настенку и о приданом - Настенка на - выданье...

И только старый дед, давным давно поживший и выдавший замуж всех своих детей и, стало-быть, совсем свободный от тех чувств, какие может вызвать вность и женская красота у казаков помоложе, с чистым сердцем, безо всякой корысти, полюбуется спешащей по улице прелестной казачкой. К старческим, всякие виды выдавшим глазам его, паутинной сеточкой сбегутся морщины, залучится, осветится ими усталое, изрядно пострадавшее от житейских невзгод, лицо и в седую бороду, мечтательно поглаживаясь узловатой в кисти рукой, поползет по отвисшим усам улыбка искреннего, неподдельного восхищения...

. . .

Есть отдаленное, но несомненное сходство с юной, обольстительной красавицей-казачкой у долинной степи, когда после долгой зимней ночи, проснется она ранним весенним утром и торопливо, точно стыдясь своей наготы, начнет свершать туалет, чтоб предстать потом перед восхищенным взором в чудесном, несказанно-обворожительном наряде...

Сковзь слежавшийся под снегом тонкий слой полумстлевшей прошлогодней травы, мертвой чернотой своей придающей какой-то хмурый, слегка даже мрачный оттенок необъятным степным просторам, купающимся в золоте животворящих, все более греющих солнечных лучей, - покажется сначала густая зеленая щетинка острой, как иглы, молодой травяной поросли... И, Боже мой! - не успеешь оглянуться, а уж вправо и влево от тебя, кругом, во все стороны стелется серо-зеленый травяной ковер, покрывает собой всю степь и, кажется, конца-края ему нет... Да и нет! Степь как бы набухла, раздалась, отодвинула горизонты... Вон, где-то там, далеко, в синеватой неясной дымке, еле уловимая, почти неприметная глазу, слитая с небом, ее теперешняя грань.

И эта беспредельность, эта бескрайность степных просторов... это ирреальное под солнцем море серо-зеленых трав, тадно, всеми своими корнями пьющих могучие соки пробужденной к жизни земли; эта извечная, слышимая, звоном в ушах отдающаяся тишина; этот обманчивый покой, в котором чувствуется колоссальное напряжение невидимых, смутно ощущаемых, дающих зарождение и рост сил: все это потрясает и восхищает одновременно, покоряет и радует до полного восторженного умиления...

Дальше происходит нечто волшебное... Как кокетливая станичная красавица, разодетая по-праздничному в новое хрустящее платье зеленого ситца, одергивает его, смотрясь в зеркальце и в последнюю, перед выходом "на улицу", минуту щедро накладывает румяна на и без того прекрасное лицо свое, - степь тоже начинает прихорашиваться и "румяниться"...

Ранним утром над зеленым морем трав нависает легкая пелена недвижного тумана - точно покрывало кудесника со скрытой под ним тайной.

И вот степной кудесник-солнце, с торжественной медлительностью, в вихре огненных, режущих, до боли ослепительных лучей, показывается над краем степи и со сказочной быстротой меняет, пресбражает все: исчезает, растаяв, туман... Тяжелая от обильной росы трава метовым оловом поблескивает при ярком дневном свете... На ближайших лепестках горят, переливаются перламутром, огненные звездочки: то солнечные лучи отражаются в бисерных капельках росной влаги... Ушла предсолнечная степная хмурь, и ожившая степь куается в волнах золотого света, широким потоком льщегося с востока.

Но... что это? На короткий миг взор, рассеянно доселе, скользивший по вдумчивым степным просторам, задерживается на каком-то красноватом пятне, ярко выделяющемся на зеленом фоне травы. И уже полный волнующей радостной догадки пытливо, пристально начинает искать... Вот еще такое же красное пятно... вот еще... Роскошные пурпурные маки! А рядом - вот рукой подать! - и дальше, - да везде, кругом, куда ни глянь! - несчетные островки распускающихся колокольчиков алых, темно-бордовых желтых, белых и пестрых - всевозможных оттенков, художественно раскрашенных тюльпанов. Меж ними, менее бросающееся в глаза, нечто нежно-голубое, на чем отдыхает, задерживаясь, взгляд. И сколько его, этого голубого, когда присмотришься! Пожалуй, даже больше, нежели красного с желтым... Ну, да! Так это же нежные синие васильки со своими голубыми цветочками и величавая степная красавица - большая голубая лилия.

Лазоревый цвет, воронцы! Первые степные красавцы - цветы, навеки

вошедшие в казачью песню, при одном воспоминании о коих, сладким томлением сжимается грудь, учащенно начинает биться сердце...

Скоро за ними, на Троицу, из окрестных станиц и хуторов, с раздольными, как раздольна родная степь, песнями, с шумным веселым разговором, со звонким счастливым смехом, выйдут ватажки девчат, - без парней! - рассыпятся одиночками по красавице степи, - сами красавицы - не знаешь уже чем больше любоваться - цветами или девичьей красой? и до самого вечера будет происходить оживленный, частенько прерываемый дружной песней и невинными девичьими играми, сбор цветов.

Но не одними только тюльпанами, васильками, лилиями да роскошным маком красуется весной степь. Как на пышном восточном ковре затейливо переплетаются всевозможных оттенков рисунки, так и на ней, щедрая природа, широко и богато, не по одному, а целыми пригоршнями, разбросала повсюду великое множество цветов и цветочков - расписала степь всеми красками радуги.

Дикая ромашка дает желто-белый цвет... Белые пятячки ее лепестков густо вкраплены в весеннем цветении. Козелец и татарник скромно голубеют своими цветочками над остальной низкорослой травой. Шпарик-ползун, на особом утолщенном стебельке, высоко выставляет свою ярко-желтую, как будто прозрачным лаком покрытую, цветную шапочку, явно стараясь поднять ее до уровня более высоких травяных соседей... Мягкими сиреневыми крапинками цветет резеда... Розово млеет пучками невидный собой чабрец... И все это переплетается длинными нитями степной повители со множеством мелких цветков-колокольчиков от бело-розовых до темно-лиловых...

Овсянки, разносортная "пырея", шалфей, серый полынок и ковыль; коники, тысячелетники, сурепка и буркун-трава, катраны, оттилен-корни, метлюки-собачья постань, полынок-чай, простая травна-муравка, чингиска-однолюбка, неуклюжее свиное ушко и поганка - что потом, в летней выжженной степи, "перекатикой" будет гоняться за ветром - все эти и другие неисчислимые степные травы цветут весной неприметно и дают серо-зеленый фон удивительной по мощности, восхитительной по краскам, незабываемой по впечатлению, живописной весенней степной картине...

. . .

Бывает так... Идешь ты, размечтавшись, по цветущей степи. Первые восторги, вызванные нежданной красотой, улеглись... Ты начинаешь уже привыкать к красочному степному пейзажу, усталый немного от пережитого радостного волнения. Взор лениво следит за плавно реющим в небесной сини орлом... В ушах звучит переливчатая трель вездесущих таворонков. Где-то неподалеку настойчиво свистит суслик... И вдруг тебя обдает легким, еле ощутимым, дуновением откуда-то взявшегося ветерка. И ты останавливаешься, как вкопанный, жадно втягивая воздух... То цветы, воспользовавшись ветерком, как okazji, приветствуют тебя тончайшим ароматным душком...

Но ветерок, так же неожиданно, как появился, пропал. И надо нагибаться, срывать цветы, вдыхать аромат, прихиваться к каждому из них в отдельности, чтоб отыскать хоть приблизительное тому, что только что ощутил... Напрасные старанья! Резеда пахнет нежным, ей только свойственным запахом... Чеборок - казачья пахучая травка - имеет свой остро-отличительный, душок... Запах шмана не спутаешь с запахом другой травы. Мята испускает крепкий, настойчивый и сильный дух... Полынь бодрящий, оставляющий во рту горьковатый привкус... А вот такого аро-

мата, каким дохнул на тебя случайно зародившийся ветерок - не найти, сколько ни ищи. Такою редкой, неизъяснимо - приятной ароматной смесью, но в неизмеримо большей степени, можно насладиться только тихим майским вечером...

Степь готовится отойти ко сну. На западном небосклоне догорает пурпурный след, поспешно скрывшегося за краем земли солнца. На потемневшем, уходящем куда - то в бездну мироздания, небе заигаются первые звездочки... Молчит, угомонившись, птичья мелкота... И над притаившейся степью, все более и более обволакиваемой сумеречными тенями, воцаряется мертвая тишина. Нагретый за день воздух недвижим и душит им не легко, не свободно, не полной грудью, как на утренней заре, когда дует свежий предрассветный ветерок. Вечерний воздух пропитан насквозь, насыщен до предела тонким, головокружительным, способным вызвать усиленное сердцебиение, почти ядовитым, но упоительным, неповторимым, пьянящим ароматом... И кажется, что все степные цветы, именно в этот вечерний час, одновременно, по некому сговору, сразу пооткрывали свои чашечки и усиленно, во всю меру данной им Творцом силы, выдыхают в эфир каждый, ему свойственный аромат... И кажется еще... Любой степной цветок, - будь то цветок репейника или свиного ушка, - это маленькая кадильница, зажженная таинственным священнослужителем и из каждой такой кадильницы курится благодарственная, вьется вверх, к престолу Всевышнего, жертвенная ароматная струйка...

Теснится в груди... Непреоборимое томление охватывает тело... Приятно кружится голова, будто выпил ты стакан чудесного янтарного вина или выкурил папиросу крепчайшей, изысканной смеси из лучших сортов табака... Прилечь бы, поваляться... Устал? Отдохнуть? Нет..., так..., просто понежиться, помечтать, посмотреть на бездонное черное небо, посчитать звезды, по - особому крупные и иначе яркие на южном ночном небе... Вслушаться в ночную тишь и в немой разговор цветов, вникнуть в этот весенний любовный угар, в коем томится и для него одного только и живет своей короткой жизнью каждая степная былинка...

Со дня на день лучи становятся все горячее. Скоро они начнут палить немилосердно и в полдень, когда тени от тебя почти нет, не безопасно оставаться с непокрытой головой - может "шибануть омероком"... Чаше дуют ветры, хотя небо, попрежнему, лазурно-чисто, без единого облачка. Носится в воздухе белый пух от сорванных ветром шариков одуванчика...

В степи большие перемены: - исчезли цветы. Каждая отяжелевшая, утратившая свой яркий зеленый цвет, чуточку подсыхая травка наливает сейчас земляными соками плод, зачатый ею в недавнем хмельном любовном угаре... Исчез, почти начисто, и серо-зеленый травяной ковер, - его заменяет теперь необозримое белое море зреющего ковыля.

Величественное зрелище !

Сильный ветер мощными порывами, вал за валом, темными, издали, рядами, клонит ковыль до самой земли... Не успевает ковыль выпрямиться, а уж новый порыв снова бросает его на землю. И так без конца, без передышки, в тщетной погоне друг за дружкой, бегут травяные волны обеспокоенного ковыльного моря. Куда только достигает глаз, всюду эти колеблющиеся, все в беспрестанном движении, "вспененные", так похожие на море, степные просторы... Этим разительным сходством немедленно пользуется услужливое воображение... Уже плывут, разрезая носами встречную волну, острогрудые казачьи струги. Вот первый струг... Легкий косой

www.elan-kazak.ru

парус надут до отказа... У невысокого шеста-мачточки, широко расставив ноги, руки - вбок, в длинном кафтане синего сукна, туго стянутого в талии узким наборчатым ремнем, с висящей на нем, золотом отделанной, саблей, в высокой, остроконечной, черной курпейчатой папахе, со спадающим на бок верхом красного сукна с золотыми, крест на крест, позументами, кряжистый, густобородый судовой полковник... Сзади него, взор устремив вперед, боком сидит и крепко держит правило рулевой казак... А вдоль бортов у пять десятков добрых молодцев - донских казаков... Бабайки - весла убраны, ветром плывут - раздолье! - за плечами у каждого длинная пицаль, на боку неизменная сабля... Берегитесь турецкие султаны! Готовься, прославленная Порта, встречать гостей, неожиданных/негаданных! Ковыльная стель бросает тебе вызов: - легским стругам её детей не страшна твоя неповоротливая грузная армада...

Неясные образы, без четких контуров, неоформленные, проносятся перед взором. Мысль, встревоженная новой, растягивающейся перед тобой стихийной красотой степи, шлет иных сравнений, перебирает в памяти ранее виденное, хотя б в отдаленной степени напоминающее действительность... И находит, но в другом, не в зрительном восприятии.

Какой-то странно знакомый, слегка шелестящий, шум... Свист ветра в ушах на короткий миг заглушает его... Но вот он снова зарождается, постепенно нарастает, приближается все ближе... Чтоб лучше слышать - ты закрываешь глаза... И, внимая этому тихому, но ясно теперь различаемому шелесту-шуму, ты видишь высокий морской обрыв, у подошвы его узкую полоску пологого берега и катящуюся на него, бело-гребенчатую, разливающуюся до самого утеса и шумящую таким же фот шелестящим шумом, волну... Отдаленный шум морского прибоя напоминает собой шелест-шорох валяющегося под порывами ветра ковыля.

. . .

Хорошо в солнечный летний день идти по целинной степи с ее живым, волнующимся от суховея, травяным покровом. Ты спокоен. Уснувшее воображение уже не реагирует на привычные взору картины. Все, что ты видишь, давно, с первой встречи, пережито, пережито, усвоено, оценено по достоинству. Идешь по знакомым, "обжитым" местам, чувствуешь себя, как дома. До тех пор, пока чуткий слух не уловит ввозь дуновение ветра, еле ощутимый, почти кажущийся, шорох-шелест-шум ковыля. Пропал тогда покой! Становится ясным, шум ковыля - единственное непонятое, не уясненное тобой до конца... Вспоминаешь, какое впечатление произвел он на тебя вначале... Морской прибоя... Шуршание по прибрежному гравию расплескивающейся морской волны... Очарование, охватывающее тебя, когда слушаешь ритмический, то усиливающийся, то замедляющийся шорох-шум ковыля. Все это так, но это не все. Сходство чисто внешнее, звуковое, хоть и поразительное. И ты убежден: - есть что-то новое в этом, раскрывшем слух, шелесте-лепете ковыля, не открытое еще тебе до конца, как-бы недосказанное... Вот именно, недосказанное! Ну-да, ясно-ведь, ковыль о чем-то рассказывает! Как это не пришло в голову раньше?

И уж нет больше желания продолжать спокойную прогулку по степи.. Ты останавливаешься, потом приседаешь на корточки и в таком неудобном положении долго вслушиваешься в тихий ковыльный шорох-шелест-шум...

О чем шуршит-шелестит? лепечет ковыль? О чем ведет он этот немолчный, скрытый от тебя по смыслу, но почти понятный по настроению рассказ, в коем смутно ощущаешь ты и тихую печаль, и робкую жалобу, переходящую временами в горячий, грозно-шипящий протест, и радость

утверждения какой-то непреложной, ему одному известной истины? И кажется тебе - вот-вот должно произойти нечто необыкновенное, из ряда вон выходящее, что сразу положит конец всем твоим исканиям и даст исчерпывающий ответ на все вопросы: - о чем печалится ковыль, на что жалуется, против чего протестует и что утверждает...

Уви, происходит то, чего меньше всего можно было ждать - резкая боль в ноге гримасой отдается на лице и ты лишней раз убеждаешься, что нельзя безнаказанно долго сидеть на корточках... В досаде ты бросаешься навзничь и подложив под голову руки, стараешься снова уложить прерванный мелест - рассказ ковыля... А-а, вот он!

Перед глазами у тебя гнутся от ветра стебли травы... По одному из них нетерпеливо ползет зеленая букашка... Вверху по синему небу несутся перистые облачка... Тебя уже не овеивает прохладный ветерок, скрывает трава, и солнце начинает сильно пригревать... В истоме ты закрываешь глаза, - музыка шелестящего ковыля сразу усиливается... И скоро тебя охватывает странное состояние полусна - полу бодрствования... Из всех звуков до твоего слуха доходит только шум ковыля, - но шум ясный, отчетливый, с разными оттенками - от тонкого, слегка свистящего, похожего на хихиканье - будто ковыль смеется, до громкого, шипящего - будто ковыль, наоборот, сердится... И о, чудо! Всем существом твоим ты ощущаешь вдруг, что тебе становится понятным все, о чем шелестит - рассказывает ковыль. Все, все понятно тебе в этой удивительной травяной речи! И ты замираешь, боясь пошевелиться, чтобы не пропустить ни единого слова... Жадно, с упоением слушаешь убавкивающий шум-говорок ковыля, то смущийся, то горячо в чем-то убеждающий, то затихающий до еле слышного шопота... Странно знакомым кажется тебе этот журчащий, как ручеек, ковылий сказ. Будто твои собственные мысли, получившие иное выражение, возвращаются к тебе и от этого становятся в стократ более глубокими и убедительными...

Попытаться перевести ковылью речь на бедный наш человеческий язык?

Трудная, непоимильная задача! Получится бледное отражение этой речи, жалкий её пересказ, в какой-то степени могущий удовлетворить любопытство пытливого разума, но никак не могущего взволновать сердце и пробудить ответный отклик в душе. Придется, ведь, отнять у травяной ковыльей речи самое главное - ее музыку, какую она овеивает вся, от начала до конца, всю эту волшебную, постоянно меняющуюся, гармонию звуков - от шелеста травы до свиста ветра в ушах, - вместе с нею составляющую единое нераздельное целое и требующую к себе самого бережного отношения. А отнять придется, ибо разве возможно выразить музыку в словах? И в результате будет то же самое, что бывает когда от хорошей старинной казачьей песни отнимают ее мелодию. Что остается от очарования песни, только что захватывавшей вас и волновавшей до слез? Почти ничего, "ой" да "ну" и другие такие же бедные слова, мало говорящие уму и уж никак не волнующие сердце...

Единственное, что можно сказать, это попытаться, хоть вкратце, в нескольких словах, перевести на понятный людям язык те наиболее волнующие места из бесконечной ковыльей речи, где ковыль говорит о самом себе и о своей трагической судьбе. И вот что получается - приблизительно - о, приблизительно! - в переводе.

...Хи-хи-хи... Странный ты человек, самое разумное из всех когда-либо населявших степь, существ. В первый раз вижу такого. Бродишь ты целыми днями по степи и все что-то высматриваешь, ко всему прислуши-

ваешься... А многое ты понял из того, что увидел и услышал?... Немногое, немногое, поверь мне...

... И, древний ковыль, извечно стар, - седина моя да послужит тебе доказательством этого! - видал и слышал неизмеримо больше твоего и мог бы, если бы захотел, рассказать тебе обо всем до самой моей смерти в этом году... Что? Ты удивлен, что я говорю тебе о своей смерти?... Я употребил это слово, чтобы тебе было понятней - ведь, многие люди думают, что травы обязательно умирают зимой... Для меня, одной из древнейших степных трав, до сих пор смерти не существовало. Говорю - до сих пор, потому что... Но об этом после... Вот, созрею и уйду мелкими зернами в землю. А следующей весной, если будешь жив, приходи, снова найдешь меня здесь...

... И так было всегда. В с е г д а - можешь ты уразуметь это? Ох, боюсь, что нет! У вас имеются понятия - года, десятилетия, века, тысячелетия, эры... Так вот, род мой тянется через все эти ваши века и тысячелетия... Можешь представить себе, что мог повидать я на таком своем веку.

... Я помню время - о, как давно это было! - когда в степи росли одни травы. Травы были тогда высокие - выше твоего роста и стебли у них были толщиной в твой палец... Мне, ковылю, было тогда плохо: - мушила меня более высокая трава. Приходилось расти отдельно, особой ковыльей семьей. И было так: - кончалась высокая цветущая степь и начиналась серо-зеленая, более низкая, ковыльная...

... Я помню время, когда появились в степи первые, как вы говорите живые существа... - как будто мы, травы, не живем! Сначала мелочь всякая - летающая и ползающая: букашки, мухи, комары, мыши, крысы, ящеры, ужи и змеи... Потом прилетели пернатые, большие и малые - от "иванушки" - степного воробья до гордого степного орла - их ты и сейчас видишь...

... Звери повелись в степи гораздо позже - кроме сусликов, хорьков, зайцев, волка и лисы были в великом множестве и дикие кабаны, и зубры, и олени и лошади... Все это мешало нам спокойно расти, все это дралось, грызлось, враждовало между собой... Слабые гибли, сильные торжествовали, пока их не уничтожали еще более сильные...

... И вот, появились, наконец, в степи первые, такие как ты, люди...

... Знаешь, человек, что я тебе скажу? Из всех живых существ, когда либо появлявшихся в степи, самыми умными, самыми сильными, но и самыми жестокими и злыми оказались... люди! И да, самыми жестокими и злыми! От них пострадали все... Исчезла крупная птица... Найдешь ты сейчас дробу? Есть еще, говоришь, дудаки? Есть, есть... десяток какой -нибудь на всю степь... Куда подевался крупный зверь? Дикий кабан, зубр, олень, дикая лошадь, что стадами и громными косяками жили в степи? Всех их перевели, уничтожили или заставили служить себе люди.

... Заметь - мы, травы, от этого выиграли - нас меньше стали топтать и поедать все эти четвероногие твари. Но и от двуногой твари, от человека, нам стало, в конце концов, не легче. Вначале, - это было не так давно, две-три тысячи лет тому назад, - особого вреда от людей для степи не было. Правда, когда они передвигались, - а передвигались они часто и всегда в большом числе, - много мялось травы под копытами прирученных ими лошадей, но это было не так страшно. С трудом, но травы все же выпрямлялись и могли после жить положенный им срок - гибли только съеденные лошадьми. Хуже было, когда гоняясь друг за другом, - надо тебе сказать, что люди, как и звери, все время дрались между собой, -

- они закигали степь... Это было ужасно. До сих пор без трепета не могу вспомнить о степных пожарах.

... Ну, а совсем недавно, всего несколько сот лет тому назад, целинной степью окончательно завладели твои предки-казаки, жившие дотопе в других, не степных, местах. С тех пор, я, древний ковыль, живу в постоянном трепете за свою судьбу. Да! Я ясно вижу тот день-и он недалек! - когда меня безжалостно вырвут с корнями и навсегда, на веки вечные, накроют землей... Как это грустно! При одной мысли об этом у меня стнут соки в стеблях... Щ-щ-щ...

... Ты не веришь? Что? Ты не хочешь верить? Увы! Если ты сумеешь прожить еще десяток лет, ты вынужден будешь поверить в мою не временную, а в самую настоящую смерть. Разве ты не замечаешь, что каждый год огромные пространства целинной степи переворачиваются плугом? Разве тебе неизвестно, что на перевернутой человеком земле трава не растет? Растут, как говорят люди, только хлебные злаки. Несколько некрасивых бесцветных трав и то, когда их посеет... Для чего сеет их люди, зачем они косят их летом и собирают их зерна, - это я сам видел, вон она, рядом, хлебная степь! - я не совсем понимаю... Я знаю одно - со смертью целинной степи умрут, вместе со мной - ковылем, самой старой из всех трав, - и все остальные бесчисленные степные травы. Вместе с нами уйдет из степи все ее обаяние, вся ее неповторимая весенняя прелесть, все то, что так чаровало тебя во время твоих летних прогулок по ее просторам, что навевало на тебя удивительные мечты и заставляло грезнить наяву, уйдет то, что помогает не в меньшей, если не в большей степени чем хлебные и иные злаки, жить, и чему имя - красота.

... ..

Ты на высоком кургане. Степные грани, ставшие более заметными, как бы придвинулись, подошли ближе. Ковыльное море начинает желтеть. Солнце, не уставая, жжет горячим огнем землю. Недалеко то время, когда вместо сказочного серо-зеленого травяного ковра, взору представляются унылые степные пространства, тоску и недоумение вызывающие своей поредевшей, бурой, полусожженной травой.

Ветра почти нет - так, слабый суховей.

Ковыль едва отвечает легким покачиванием распущенных головок.

Ты склонишь с кургана, где травы мало и спешешь к ковылю. Улегшись навзничь, ты старательно укрываешь лицо от солнца. Тебя, разгоряченного жарой, сразу охватывает полубабытье и ты сразу же улавливаешь знакомую, еле-еле слышную, шелестящую ковылью речь...

... Ты хочешь, чтоб я рассказала тебе о жизни твоих предков?.. Я очень малая, но мне сейчас трудно говорить... Ветра нет и я не могу шелестеть...

... Ты, однако, не горюй... Если я много говорить не могу - суховей для этого мало, - так я могу другое... Я могу п о к а з а т ь тебе твоих предков. Ты увидишь, что они делали, ты услышишь о чем они говорили, ты узнаешь о чем они думали...

... Что? Ты хочешь, чтоб я показал тебе всю жизнь твоих предков с самого начала? ... Чего захотел! Слишком долго будет - уснешь и не проснешся... Нет, нет! Я покажу тебе только кусочек из их жизни... А ты уж потом сам соображай, как и что. На то ты и человек самое умное изо всех существ, когда либо населявших степь... Как покажу? А так... Слушай! Лежи и не двигайся. Чтобы лучше видеть - закрой покрепче глаза... .. Закрой? Теперь смотри, вникай и слушай!

П. Аврамов .

/продолжение/

ДВА АРЕСТА

Ф.Д. Крюкова.

После мартовской революции 1917 года отец вскоре приехал в родную станицу и в семейном кругу сказал:

- "Ну, теперь меня в Россию и калачем не заманишь!.."

До большевистской революции все шло обычным порядком. Отец много писал и посылал в Петербург - в "Русское Богатство", в Москвы - в газету "Русские Ведомости", где он был постоянным сотрудником, кроме того многие сборники и газеты постоянно просили его дать что-нибудь для них. Особенно часто его очерки появлялись в газете "Современное Слово".

После большевистского переворота связь с Петербургом и Москвой стала терять регулярность и к апрелю 1918 г. прекратилась совершенно. После смерти Каледина прекратилась связь и с Новочеркасском. Было только известно об уходе Корнилова на Кубань и Походного Атамана Попова в Степной поход.

Вернувшись в конце 1917 г. Фронтовики, оставив знамена, пулеметы и полковое имущество в станичных Правлениях тех станиц, где назначена была их стоянка, разъехались по домам, забрав с собой индивидуальное оружие, и часть патронов. Распропагандированные, они перестали относиться с уважением к старикам, как это было принято спокон веков, лодырничали, пьянствовали и дебоширили. На этой почве у них происходили перебранки со стариками и более разумными и степенными казаками, бывшими тоже на фронте, но не потерявшими ни казачьих адатов, ни дисциплинированности, ни хозяйственности.

Не помню уж когда: то-ли в конце марта, то-ли в начале апреля, - в станицу приехали подводы с Михайловскими мужиками, называвшихся в округе "хохлами", хотя большинство этих потомков крепостных помещика-полковника Серебрякова, были чистейшими Московитами, но не украинцами. Они прямо приехали в станичное Правление, и заявили атаману, что по приказу Ревкома должны забрать пулеметы и полковое имущество 3-го Донского полка, сборным пунктом которого была назначена Глазуновская станица. Застигнутое в расплох Правление не могло дать знать казакам полка о случившемся и Михайловцы увезли пулеметы, патроны и двуколки, оставив двух полевых телефонистов на почте.

Поступок Михайловцев был вызван, повидимому, начавшимся восстанием в родной станице Каледина / к которой был приписан Мамантов / - Усть-Хоперской. Как это произошло, - об этом могли бы рассказать сами Усть-Хоперцы, другим-же станицам округа и ближайшим станицам Хоперского округа было известно только, что Усть-Хоперцы свергли у себя советскую власть и установили традиционную казачью - "по старинному, как пращурь наши управлялись". Но, как видно, организованности действий у них не было и они дальше своего станичного юрта не шли. Только спустя несколько дней после приезда в Глазуновскую "хохлов" взвод Усть-Хоперцев прискакал в свою очередь к нам - "за полковым имуществом". Им пришлось удовольствоваться только двумя пленными телефонистами, немедленно, без сопротивления, взятыми в плен, и полевым телефонным аппаратом с несколькими катушками проводов. Для отличия в столкновениях /особенно ночью/ - Усть-Хоперцы надели белые повязки на рукава и белые ленты на папахи и фуражки. Вероятно это и послужило поводом к наименованию возставших красными - "белыми", тогда как добровольцев называли "кадетами". Налет Усть-Хоперцев имел целью только пулеметы, патроны и проч.

имущество полка, в котором служили многие из них.

В окружной станице - Усть-Медведицкой попрежнему властвовал Ревком, возглавляемый полковником Филиппом Кузмичем Мироновым и прапорщиком из народных учителей Семеном Рожковым, казаками этой станицы. Опереться в станице им было не на кого: Не только казаки не были склонны к большевизму, но даже и коренные иногородние станицы, в большинстве случаев зажиточные, а некоторые даже богатые люди, относились отрицательно к перефразированному коммунистическому лозунгу: "что твое, то - мое, но что мое, то - не твое!"

Вероятно Усть-Медведицкий Ревком, то-ли для своей поддержки, то-ли для подавления возстания Усть-Хоперцев, - обратился за помощью в Михайловский Ревком. Но, как видно, в Михайловке не было достаточно народа и Ревкому пришлось вызывать красногвардейцев из Борисоглебска и Царицына, так как прошло еще несколько дней со дня налета взвода Усть-Хоперцев на нашу станицу, когда кто-то из казаков приехал в станицу и сообщил весть, что по Скуришенской горе на станицу движется большой отряд конных и пеших на подводах при батарее. Кое-кто залез на колокольню в качестве "махальных", другие, как ни в чем ни бывало, уселись на лавочках и карчах около куреней.

Отца пошел в сад, который был в долине старого рукава Салвы/уменьшительное - Салваска, как называлась в старину река Медведица/-Прорвы. Сад не превышал в самых широких местах двухсот метров, но длиной был больше километра. Разные сорта фруктовых деревьев, во всю длину сада, раиновая аллея, в самом конце первая проба посадки виноградника/главным образом Донского Пухляковского винограда/, невероятное количество арбузов, дынь и огромнейших тыкв, достигавших небывалой величины, и много прочих овощей. Заливная почва, близкая подпочвенная вода, песчаная земля с перегноем, - все это крайне способствовало процветанию нашего сада, которым вся семья гордилась не без основания. Посередине сада был устроен летний курень - "беседка", в одну комнату, с большой крытой террасой. Здесь летом мы ночевали с отцом.

Вся долина Прорвы, от прорыва Салвы до нового соединения, на расстоянии десятка километров, была сплошь занята заброшенными садами и леведами; там-сям небольшие огороды, поближе к станице, а все остальное пространство представляло собою сплошной лес диких фруктовых деревьев, терна, верб, караича, вязов, осин и пр. деревьев. То пропадая в песчаной почве, то тихо струясь ручейком, то образуя целые затоны, - посередине этой тайги текла Прорва, летними вечерами наполнявшая воздух оглушительным и неумолчным концертом лягушек разной величины - от еле видной до внушительной лягушки, "быка", своим низким басом отдаленно напоминавшей бугайное мычанье; невероятное количество мошканы и комаров день и ночь наравом висело в воздухе.

С колокольни раздались крики:

- "Скачут в станицу конные, а с ними броневик /т.е. броневой автомобиль-броневик/."

Я стоял в толпе казаков и казачек около почтового отделения, с угла на угол от нашего куреня на другой стороне майдана.

С винтовками "на-изготовку", в каких-то фантастических кителях: то-ли гусарских, то-ли гвардейских, разношерстных и разноцветных до всех цветов радуги, с огромными красными бантами на груди, кое-кто с красной звездой на шапках, другие с красными лентами вместо кокард; даже в чолках, гривах и хвостах лошадей были вплетены красные ленты. Лихо доскакали до почты и, увидя миролюбивую, заинтересованную толпу,

красногвардейцы спешили. Подошедший открытый броневик "Грохот", без башен, остановился против почты. Толпа окружила красных, со всех сторон сыпались вопросы и ответы, так что мне, стоявшему несколько позади, ничего нельзя было понять. Вскоре ко мне подошла одна жалмерка и, глядя в сторону, еле слышно спросила:

- "Батяня дома ай не?"

Я ответил также тихо, что - дома.

- "Бяги скарейча к нему, няхай уходить иде-нибудь, за ним приехали-убить хочуть".

Я почувствовал, как у меня сердце "захоланула". Стараясь сохранять спокойный вид, не спеша вышел из толпы и, так как никто на меня не обращал внимания, одним махом перескочил через забор и вбежал в курень, где семья собирала почему-то все, что женщинам могло казаться ценным и куда-то тащили и хоронили. Я спросил: где отец? Узнав, что он пошел в сад, насмех сказал в чем дело и что бегу предупредить отца.

Выйдя через калитку на другую улицу, я, перескакивая через плетни, базами дошел до левад и, добравшись до нашего сада, во весь дух помчался к "беседке". Отец сидел там и, как обычно, записывал отдельные сюжеты в блокнот, с которым никогда не расставался. Увидев меня, он сразу почувствовал что-то неладное. Объяснив ему в чем дело и мы решили идти левадами вниз по течению реки до окраины станицы. День клонился к вечеру, когда мы добрались до настоящих дебрей талов, за которыми километрах в двух начинался дубовый лес, тянувшийся по правой стороне Салвы до протока Рогова; за ним начинался, почти непроходимый, Войсковой лес из высоких и толстых деревьев, обычно дававших строевой материал.

Здесь мы остановились и стали решать вопрос: что делать?

Я советовал отцу Войсковым лесом идти к Усть-Хоперской. Но отец решил, что отрываться от родной станицы не следует, так как, рано или поздно, Глазуновцы тоже поднимутся, как и Усть-Хоперцы. Согласно этому решению отца, я должен был возвратиться домой и сказать семье чтобы приготовили харчей, зипун, белье и одеяло и передали одной семье старообрядцев, жившей почти на окраине станицы, недалеко от левад, куда ночью должен был придти отец и оттуда ночью-же двигаться в направлении наших паев на берегу буерака Ближне-Березова, километрах в пятнадцати от станицы, где летом у нас был кош с гумнищем.

Уже солнце село, когда я вернулся домой. Все было сделано, как наказывал отец и мы все с тревогой ожидали событий, надеясь, что отцу все-же удастся избежать встречи с красными.

На другой день вечером к нам пришел какой-то мальчишка-комиссар с матросом. Комиссар играл с кругой ручной гранатой, перебрасывая ее из одной руки в другую; матрос был увешан пулеметными лентами крест-на-крест, с Наганом у пояса.

- "Мы -бы хотели видеть гражданина Крюкова", - заявили они.

Им ответили, что он уехал позавчера, не знаем куда.

- "Жаль, жаль!.. Мы б- хотели с ним побеседовать!"

Непрошенные "гости" ушли. Так как семья состояла из трех женщин и трех детей, из которых я был самым старшим /мне шел пятнадцатый год/, то было решено, во избежании подобных неприятных посещений, уйти к дальним родственникам на третью улицу - "Русскую" или "Московскую", в конце которой жили исключительно иногородние, которых было около двухсот душ в станице /на хуторах они не жили/. Таким образом семья наша

стала вести кочевой образ жизни: днем - с утра до вечера были в своем курене, а на ночь уходили к родственникам.

/окончание следует/

П. Ф. Кржков.

КАЗАЧЬИ ТРЕБОВАНИЯ.

Об антисемитизме.

Писать или говорить сейчас неприятную правду о Евреях вещь очень рискованная, - тот же час приклеят ярлык "антисемита" и это будет также как "желтая звезда", но сидеть она будет гораздо крепче её.

О Евреях, теперь можно говорить только хорошее, или молчать.

Но ведь человеческий ум все таки пытлив. Он, напр., задает себе вопрос: почему Общество Объединенных Наций /ООН/, избрало своим флагом, а флаг есть все таки символ, эмблема, сущность той организации, которая им пользуется, флаг Израильский - синий с белым? Неужели этот флаг отражает сущность ООН? Неужели ООН не могло создать свой собственный флаг, который отразил бы действительную его сущность? Почему из 1800 служащих при ООН, 1200 ч. еврейского происхождения, хотя бы они и были-бы гражданами США? А ведь ООН это есть ключ к мировому правительству.

Странным является и то, почему так много говорят только о Евреях, а напр. не об Армянах, не о Греках и других народах?

Почему так рассеяны по всему миру только одни евреи и почему в конце концов их же изгоняют из всякого государства или только они одни преследуются в этом государстве?

Почему во Франции так много говорили о Дрейфусе, еврее изменнике Франции же. Почему в той же Франции /мы не знаем как было дело в других государствах/ так много, через чур много говорили о супругах Розенберг, изменнически выдававших СССР секреты в изготовлении американской атомной бомбы?

Почему теперь о Пастернаке /он тоже из евреев/ так много пишут, хотя дело состоит всего в написании им одного романа о дурной жизни в СССР? /Стихи его более чем посредственны, м.б. за исключением очень и очень немногих/. И почему о Казаках, первых во всем мире понявших опасность коммунизма, против которого теперь борется половина всего мира, почему о них, потерявших все, ничего не говорят и даже выдают их и, говорят что для этой выдачи была командирована из Англии Палестинская бригада?

Евреи обвиняют Казаков в антисемитизме, хотя не могут указать никаких фактов, доказывающих их антисемитизм.

До издания в 1883 г. закона, по которому все Евреи, поселившиеся на Дону, и прожившие там не менее десяти лет, могут оставаться на Дону, но не прожившие до издания этого закона десяти лет, должны его покинуть.

Не мало Евреев осталось на Дону; мы говорим в частности о Хоперском округе, где их было не мало; отношение к ним со стороны Казаков было совершенно лояльное, почему Евреи охотно принимали христианство

и Казаки давали им гражданство; занимали Евреи места священно и церковно слугителей; остальные занимались торговлей. Как пример, мы укажем на Самуила Семеновых /дети священника Слащевской станицы/; И.Т. Семенов, штатский генерал - д.с. советник Областного Правления; П.Т. Семенов, генерал и третий брат их, появившийся на Дону уже после революции; все они с явно выраженным еврейским типом; затем С.К. Каклюгин, областной врачебный инспектор, с ярко выраженным еврейским типом, К.П. Каклюгин, его двоюродный брат, прис. поверенный и член IВИ Государственной Думы, и можно было бы привести немало других фамилий, имеющих происхождение от Евреев, так что исторических предпосылок к антисемитизму у Казаков не было.

Когда Казаку про когонибудь скажут, что он Еврей, то Казак ответит, что "какой-же он Еврей, когда он в Церковь ходит".

Когда выборщики в 3-ю Гос. Думу собрались для избрания членов Думы, то им понравился один из выборщиков - Еврей, но он был забаллотирован; после выборов состоялся молебен и к удивлению выборщиков он был на молебне и приложился ко Кресту. "Если бы мы это раньше знали, то обязательно его выбрали-бы", с сожалением говорили Казаки.

Таким образом если у некоторых Казаков и был антисемитизм, то он был не расовый, а религиозный /за распятие Христа/.

Но не то было отношение у Евреев к Казакам, особенно после 1905г. когда Евреями были потрачены большие усилия и средства на устройство революции, которая им не удалась вследствие лояльного отношения Казаков к существовавшему тогда Правительству. Также не удалась и первая попытка к революции 4 - 7 июля 1917 г., и опять таки вследствие той же лояльности Казаков к Правительству, возглавлявшемуся тогда Керенским /Евреем/, перед тем грозившим Казакам посылкой двух военных округов против Дона.

Литература о Евреях огромна, в частности и об антисемитизме, начиная с Библии, которая есть нечто в роде Полного Соборания Еврейских Летописей.

Что же такое антисемитизм и какими причинами оно вызывается?

" Антисемит - враг евреев, противник иудейства, враждебный особенностям, стремлениям и выдающемуся положению семитизма". /Энд.сл.Брокгауза/.

" Антисемиты -противники евреев" /Разговоры - Лексикон - Мейер/.

Но лучше всего остановиться на определении антисемитизма, сделанного самими же Евреями в "Еврейской энциклопедии" / стр. 638-763/, тут уж специфически антисемитского ничего не услышишь.

" Антисемитизм-термин, получивший широкое распространение после того, как в 1880 г. появился журнал В. Марра под названием "Zwanglose antisemitische Hefte ". Хотя по своему лексическому составу слово антисемитизм и означает неприязнь к семитам вообще, в действительности под ним разумеют вражду исключительно по отношению к евреям. Независимо от элемента личных интересов антисемитизм питается как врожденными и привитыми неприязненными чувствами, так и предубеждением, будто евреи являются расой низшей и порочной, враждебно относящейся к прочим народам, что их вероучение стоит в полном противоречии с началами христианской религии и цивилизации; что всюду приобретая господство, евреи влияют разлагающе на политический и социальный строй тех стран, в которых живут и подрывают благосостояние коренного населения".

Антисемитизм не есть какое-нибудь поветрие, как напр., "испанка",

которая захватывает всякого человека и во всех государствах, независимо от того, что есть-ли там евреи или нет.

Антисемитизм существует везде и всюду, где существуют Евреи; существует он и в настоящее время там, где есть евреи. Непреложным свидетельством чему служат всякие Лиги по борьбе с антисемитизмом прибавив и борьбу с расизмом /против Немцев/, но когда в прессе было доказано, что непревзойденными "расистами" оказались сами-же Евреи, то слово "расизм" заменили "нацизм".

Антисемитизм не есть явление нынешнего дня, теперь он только обострился, а проявился еще за 1000 лет до Р.Х. в Египте, когда произошел выход их оттуда, обозначенное в Библии, как "Исход".

Евреи в Египте работать не хотели, как это видно из слов Библии; фараон же заставил их работать.

" А кирпичей наложите на них то-же урочное число... и не убавляйте; они праздны, потому и кричат: "пойдем принесем жертву Богу нашему". Дать им больше работы, чтоб они работали и не занимались пустыми речами" /Исход" 5, с. 8 и 9 /.

Когда Евреи стали жаловаться фараону на тяжесть работ, то,

" Он им сказал: "праздны вы, праздны; поэтому и говорите: "пойдем принесем жертву Богу" /там же с. 17 /.

Надо сказать, что Евреи, как предлог своего ухода из Египта, где их заставляли работать и не заниматься праздными речами, выставляли принесение ими жертвы "Господу /т.е. Иегове/ Богу Нашему" в пустыне в трех днях пути от Египта /Исход, гл. 10, ст. 9/.

Через Моисея Господь обещал им:

" И дам народу сему /Евреям/ милость в глазах Египтян; а когда пойдете, то выйдете не с пустыми руками".

" Каждая женщина выпросит у соседки своей и у живущей в доме ее вещей серебряных и вещей золотых и одежд; и вы нарядите ими и сыновей ваших и дочерей ваших, и о б е р е т е Египтян" /Исх., гл. 3, с. 21, 22/.

После того, как Господь /т.е. Иегова/ поразил первенцев у людей и у скота, фараон разрешил Евреям выйти из Египта.

" И сделали сыны Израилевы по слову Моисея, и просили у Египтян вещей серебряных и вещей золотых и одежд".

" Господь-же /Иегова/ дал милость народу Своему в глазах Египтян; и они давали ему, и о б о б р а л он Египтян" /Исх. гл. 12, с. 35 и 36/.

Из приведенных библейских выписей видно, что Евреи в Египте не работали, были праздны и занимались пустыми речами, а пропитание себе сыскивали от принятия в залог золотых и серебряных вещей и одежд, /предметы обыкновенно закладываемые/, ибо странно предполагать, чтобы все Египтяне по просьбе Евреев давали им и золотые и серебряные вещи и одежду и притом в таком размере, что они о б о б р а л и Египтян.

Первая попытка уже уничтожения всех Евреев произошла в Персии, при Артаксерксе, в IV в. до Н.Э., что видно из книги "Эсфирь".

Аман, первое лицо после царя, решил уничтожить всех Евреев во всем государстве и в один день якобы за то, что Мордухей, видный еврей не кланялся Аману и не падал перед ним ниц.

В действительности-же причины были другие.

" И сказал Аман царю Артаксерксу: есть один народ, разбросанный и рассеянный между народами по всем областям царства твоего; и законы их отличны от законов всех народов, и законов царя они не выполняют; и царь не следует так оставлять их. Если царь благоугодно, то пусть будет предписано их истребить" /Эсфирь, гл. 3, с. 8, 9 /.

Мордухей действовал через евнухов, знавших все интимные слабости Артаксеркса; вот тут-то он и подсунул ему свою племянницу Есфирь, научив ее, как ей надо действовать. Когда она должна была быть представлена Артаксерксу, то, "она не просила ничего, кроме того, о чем ей сказал Гесай, евнух царский, страж жен" /Есфирь гл. 2, с. 15 /. А что ей посоветовал Гечай, то писать об этом неудобно, и в официальных библиях этого нет.

После этого Есфирь стала царицей. Мордухей оказался на месте Амана уничтожил его и десять сыновей его; в Сузах, столице Артаксеркса, сразу уничтожил 500 "антисемитов", Есфирь попробовала уничтожить еще 500, а всего во всем царстве было убито 75.000 "антисемитов" /там же, гл. 9, с. 16 /.

После этого царица Есфирь и Мордухей отдали распоряжение, чтобы два дня праздновали Пурим.

"И чтобы дни эти были памятны и празднуемы во все роды, в каждом племени, в каждой области и в каждом городе; и чтобы дни эти Пурим не отменялись у Иудеев, и память о них не исчезла у детей их". /там же, гл. 9, с. 28 /.

И это празднуется Евреями до сих пор.

История, говорят, повторяется и сравнение так и напрашивается само собой: Артаксеркс - это нынешний Джугашвили /Сталин/; Есфирь-мадам Коганович, фаворитка Джугашвили; Мордухей - товарищ Коганович, проявивший особое усердие в истреблении Казаков.

Для характеристики морального состояния Еврейского общества /времен Иеремии/ следует ознакомиться с книгой пророка Иеремии, из которой приведем только две выдержки.

"Посему так говорит Господь Саваоф, Бог Израилев: Я накормил их, этот народ /Евреев/ полынью и напою их водой с желчью;

И рассею их между народами, которых не знали ни они, ни отцы их, и пошлю вслед их меч, доколе не истреблю их" /Иеремия гл. 9, ст. 15, 16 /.

Так говорит о них Господь Саваоф:... и буду преследовать их /Евреев, которые не были отведены в вавилонский плен/ мечем, голодом и моровой язвой, и предам их на озлобление всем царствам земли, на проклятие и ужас, на посмеяние и поругание между всеми народами, куда Я изгоню их" /там же, гл. 29, ст. 18 /.

/окончание следует/

Не антисемит.

ЕЩЕ О КАЗАКИИ.

Мы касались вопроса о том, как надо произносить слово "Казакия" и, основываясь на правилах латинского языка, по которым в словах, оканчивающихся на ИЯ, ударение ставится на гласной, предшествующей этим двум звукам; следовательно на латинский манер надо произносить Каза - кия.

Однако, в греческом языке, из которого это слово взято, ударение в тех словах ставится на И, след. на греческий манер надо произносить как "КазакИя".

Но цель настоящей заметки заключается в другом.

Мы ставим принципиальный вопрос: стоит-ли пользоваться словом "Казакия" и не лучше ли было-бы вместо него употреблять "Казачья Республика"?

Ведь нас окружают Украинская республика, Белорусская республика, Российская /т.е. Великорусская/ Федеративная республика, Грузинская, Азербейджанская и др.; тут на ряду с этими республиками, как равнозначащая им находилась-бы и "Казачья республика".

Это обозначение, как "Казачья республика", более соответствовала-бы современной терминологии, и потому более понятное, чем Казакия, о которой мы еще ничего не знаем, кроме одного ее имени. Кроме того и граждане этой республики должны-бы называться как Казакийцы, подобно тому как граждане Украины называются Украинцами.

О РОДСТВЕННИКАХ А. М. КАЛЕДИНА.

Как-то давно, не помню в каком журнале была высказана мысль собрать сведения о родственниках А.М. Каледина. Мы можем дать здесь сведения не полные, но совершенно достоверные.

У А.М. Каледина был брат, не помню как его звали, но имя его было какое-то необычное; был он начальником почтового отделения в станице Федосеевской Хоп. окр.; прослужил он несколько месяцев, а потом получил повышение и уехал куда-то - не знаю. Тогда говорили, что у него брат полковник ген. штаба.

Затем была у него сестра Анна Максимовна. Была она замужем за купцом /мануфактуристом/ Петром Никитичем Шараловым; их было четыре брата, жили вместе в той же Федосеевской станице, а потом разделились, и Петр остался на месте. Жили они очень замкнуто.

У Анны Максимовны было трое или четверо детей. Один из них, Александр, выехал и остался в Болгарии, женившись.

И. В.

КОЙ О ЧЕМ.

В газетах и журналах и во всяких трудах вообще, когда приводят выдержки из чужих работ, то ставят перед приводимыми словами кавычки, а по окончании их опять кавычки, чтобы читатель это видел, что приводимые чужие слова кончились.

Этого элементарного правила Г.Л.Еременко не всегда придерживается. Так, в последней разосланной им пр № 78 -Каз.Ж.- Каз. Ж. брошюре на стр. 15 есть такие слова, приведенные из "КИС-а": "ныне группа сторонников И.А.Билого распалась, остатки ее продолжают распадаться" и все, след. он должен бы поставить кавычки, т.к. приводимая цитата кончилась и читатель это должен знать.

Однако Г.Л.Еременко кавычек не поставил и пишет уже от себя свои рассуждения и, кончив их, он ставит кавычки, и получается, что все это взято им из "КИС".

Кстати, причины, вызывающие такую резкую "критику" И.А.Билого совсем не те, которые им выставляются, а другие.

По поводу заметок об И.А. Билом; Редакция получила два письма от лиц достоверно добросовестных; из писем видно, что ссора произошла из за АД, АВН и что появление И.А.Билого в Белграде было вызвано другими причинами, неимущими ничего общего с "советским шпионажем"; если он м.б. и был окружен советскими шпионами, то это вполне понятно.

Редакция КИС тоже обсуждает и часто осуждает деятельность И.А.

Билого, но это касается таких его действий, которые у всех на виду, и он имеет возможность защищаться, но базироваться на слухах, пущенных в эпоху острого разгара борьбы против самостийности, помню того, что это неблагоразумно, оно еще не доказано, т.к. никто не читал его показаний, хотя бы и компрометирующих.

Мы это пишем не ради защиты И.А. Билого, которого мы, как только что сказано, тоже осуждаем за некоторые его действия, а только ради правды и истины, ибо ничего нет лучше, когда говорят, и особенно, когда пишут, правду, одну правду, ничего кроме правды. Тогда многое-бы у нас изменилось.

КАЗАЧЬЯ ПЕЧАТЬ .

" КАЗАЧЬЯ ЖИЗНЬ-КОЗАЧЕ ЖИТТЯ" "№№ 75,76,77/. В № 75 началось печатанье трактата: "Систематический синтез христианского социального учения в его основных законах".

Уже само название, длинное, с тремя иностранными словами, представляет для рядового читателя затруднение для ясного и точного его понимания. Это затруднение еще более увеличивается изложением самого социального трактата, где часто встречаются предложения в 6,7, 11 строк, где встречается много иностранных слов, а так же и понятий, чуждых рядовому читателю.

Нам думается, что т.к. этот социальный трактат не есть оригинальный труд Н.И.Посохова, а только изложение труда "Codice Sociale" Карла Карбока, то следовало-бы передать его содержание в простых и ясных выражениях, доступных рядовому читателю.

С № 74 и во всех следующих номерах "К.Ж.-К.Ж." перепечатывается из украинского религиозного журнала "Вистник" интереснейшая статья "Иосиф Самозванец". В этих статьях автор /М. Витик-Василенко/ описывает те пути, которыми Римская церковь оправдывает свое первенство среди христианских церквей.

К сожалению, статья эта дана на украинском языке, с которым главная масса Казаков, за исключением кубанских, незнакома.

В № 76 есть статья /без подписи/ то-же на украинском языке: "Покarani на розум Господом Богом".

Статья эта вызвана заметкой помещенной в украинской газете "Америка" /вид 2-го червня ц.р., ч. 102/, такого содержания, касающегося смерти инж. Луки Оникиевича Христюка: "народжений 14 жовтня 1805 р., у Станиці Єлисаветської, Кубанська обл., Україна".

Эта заметка, с указанием на то, что Кубанская обл. есть Украина, вызвала взрыв благороднейшего негодования в авторе неподписанной статьи. Эта заметка столь ценна, что мы приводим ее целиком /ее следовало бы выучить наизусть/.

" Прежде всего хотим спросить пана редактора "Америки", что хоть раз ступнула того нога на Кубани и п. редактор хоть поверхностно пробежал историю "Казачьего Народа", хотя бы нашего времени? Имеет ли п. редактор понятие о том, что такое станица и что хоть одна станица была на Украине? Что тот-же редактор хоть трошки знаком или имеет какое нибудь понятие о традициях и жизни Казачьего Народа, да и знает-ли он, или хоть слышал-ли он от кого нибудь про Самостийно Державное

установление Казачьего Народа от 1917 по 1920 гг., да слышал ли про тяжкую борьбу Казаков с московской навалой в те года? И что подумал-ли он над тем, что в те года Казачий Народ создал свою самостоятельную жизнь раньше самой Украины и что очень важно сразу у себя восстановил старый традиционный Казачий демократический государственный строй с изданием своей конституции, чего как раз мы не видим на Украине, потому что там не смогли установить твердого и постоянного государственного строя, ибо то был Гетманат, потом Центральная Рада, потом Директория, потом Головное Атаманство и, наконец, "уже в эмиграции УНРада."

Так же, почему Украина, которая по численности населения в три раза больше Казаков, не выставила хорошо устроенную в боевом и численном отношении армии, мы же не скажем, чтобы такую, как выставили мы Казаки, а хоть бы треть такой армии, какою была Казачья? Почему такие паны редакторы все время замалчивают про тот позорный конец Галицийской армии тех времен? О чем это свидетельствует? Как раз о политической слепоте, об административно-организованном пороке подготовки Украинцев, которые даже не могли договориться между собой, чтобы защитить свой Народ и свою Батькивщину от московского врага, а не то, чтоб ПАНУВАТИ над Казачьим Народом. Казаки-ж сразу проявили, как государственную мудрость, так и великую военную подготовку и единение.

Драгоценные слова, которые, мы это повторяем, каждый Казак должен бы знать наизусть чтобы каждый был готовым парировать наскоки черстоных Украинцев, как пан-редактора "Америки", как их митрополита Мстислава /Скрыпник/ и многих им подобных.

Помещаются в этом журнале и регулярные заметки о жизни "там" за железным занавесом. Это правильно делается, ибо надо-же знать с том, что "там", в казачьих краях творится, а не жить здесь в слепую, и это вовсе не значит, как примирение с совдепами.

Так напр., в №75 помещено стих. "Донская легенда"; это как раз то, чего у нас не достает - легенд, а их вероятно не мало и они другого характера и свойства, чем легенды Великоросов или Украинцев.

"КАЗАЧЬЕ ЕДИНСТВО". В № 23 помещена статья И.Н.Коноводова: "Политика и просвещение эмиграции", где он говорит, что "на первом месте /просвещения/ стоит политика, а на втором - политическая экономия". Мы здесь внесли маленькую поправку: нам, Казакам, надо прежде всего знать ИСТОРИЮ, а потом, уже выходя из её данных, заниматься и политикой, и политической экономией.

В этом-же журнале /№26/ помещена статья П.К.Харламова "Атом"; в конце этой статьи написано: всех интересующихся теми или иными научными проблемами прошу сообщить об этом по ниже указанному адресу".

Наряду с этим печатается в "К.-Э."-К.Ж." как уже говорилось "систематический синтез" Н.И.Посохова.

Все эти темы очень полезны, но авторы их не поняли цели своих работ - популярности научных знаний, т.е. установление науки данные, которыми автор статьи должен как-бы насквозь пролетаться, представить среднему читателю в ясной и удобопонятной форме достижения науки, без злоупотребления научными терминами, специальными оборотами речи и т.п. Без этого все это будет напрасной потерей времени, труда и бумаги.

В номерах 25 и 26 помещен "Идеологический разбор" Д.Ке ольковым проектов конституции "Казакчи". Нам нет надобности разбираться во всех этих /трех/ проектах; мы укажем лишь на один пункт - это то, что "Ата-

ман-президент остается свободным за преступления и проступки, которые бы он совершил во время своего президентства". И это во всех трех проектах. Это капитальная ошибка, чреватая чрезвычайными последствиями: это есть у з а к о н е н н ы й террор, противоречащий казачьему духу, помимо того, что он нам уже насточертел.

В № 27 напечатана статья А. Протопопова "Рейд Мамонтова" в 1919 году", непосредственного участника этого рейда. Эту-же статью он прислал и в редакцию КИС, поэтому редакция и воздержалась её печатать /что-то перепечатывать одно и то-же два раза/, но мы остановились на главных пунктах её содержания: какой был смысл этого рейда, о "мамонтовских ценностях" и о самой личности Мамонтова. Но об этом мы поговорим в следующем номере.

В этом же номере есть статья: "Еще о казачьих союзниках" Мих. Лидина, на которой следовало-бы остановить особое внимание, но мы откладываем до следующего номера, т.к. настоящий номер уже вышел за пределы своих финансовых возможностей.

Очень кстати и своевременно приведен образец "Книги для чтения", которая составляется теперь Г.В. Губаревым при главном редакторстве А.И. Сирилова и редактора издания П.Ф. Крюкова. Судя по этому образцу "Книга для чтения" есть собственно Казачья Энциклопедия, небольших размеров, конечно, т.к. здесь, за границей, нет возможности составить, ни издать полной Казачьей Энциклопедии, подобно, напр., украинской, но все таки этой "Книгой для чтения" кладется начало полной Казачьей Энциклопедии.

"РОДИМЫЙ КРАЙ" /22/ Очень хорошая статья "Линц-1945 г." / Г.В. Иноземцева, написанная объективно и спокойно. Мы не можем не отметить одного пассажа из этой статьи, обрисовывающей вместе с выдачей Казаков большевикам, политику "Его Величества Короля Великобритании":

" Стольный град Кубанского Казачества. Соборная площадь. Весенний парад. Английский генерал награждает именем Его Величества Короля Великобритании орденами Св. Георгия и Михаила Кубанского генерала А.Г. Шкуро за успешные действия против красной армии... 1945 год. Английский маршал выдает на верную смерть в руки Советской Армии того-же генерала Шкуро".

/ В Париже ходили слухи, да и то передававшиеся на ушко и шепотом, что будто-бы все эти выданные, были повешены особым образом, а не так, как обыкновенно - веревкой за шею; они долго мучились; П.Н. Краснов, как уже старый человек, скоро потерял сознание/.

Помещена историческая статья Б.А. Богаевского - "Донское Казачество и татарские набеги на Московское государство в 16 и 17 в.в." /Отзыв об этой статье уже давался в КИС /.

Интересна статья проф. М.А. Миллера - "По подсоветскому Дону", М.А. Миллер прожил под советским режимом 20 лет и как человек высококультурный и наблюдательный, много видел и поэтому может много и рассказать. Мы с нетерпением ждем его дальнейших обещанных им, очерков, чтобы дать о них общий отзыв.

В "Исторической справке" А.П. Падалкин дает некоторые факты, исправляющие сведения о событиях в феврале 1917 г. Пора уже нам, Казакам, приступать к самозащите, а то иначе нас заклюют, если уже не заклевали.

"КАЗАК" / №50 / Продолжается печатанье статьи "Сорок лет тому назад", составленной из разных источников, но не беспристрастной. Обсуждение ее в целом мы откладываем до другого раза, когда она будет закончена, но мы остановимся на одном абзаце этой статьи.

"Усилиями "русских казаков" на Дону, при "моральном содействии" того-же "командования" и при поддержке тех-же "союзников" Донской В. Круг свалил /подчеркнуто нами/ ген. Краснова и поставил на его место "старого добровольца" ген. Богаевского."

Об этом "сваливании" мы уже писали /КИС/. Когда В. Круг выразил недоверие С.В.Денисову и И.А.Полякову за их бесталанное ведение борьбы, то ген. Краснов на В. Круге заявил, "мне отрезали правую и левую руку, при таких условиях я Атаманом быть не могу" и ушел. Кто-же его сваливал?

Далее, когда обсуждалась кандидатура в В. Атаманы, то, Пред.Круга В.А.Харламов и Н.Е. Парамонов, которых И.А. Билый считает "русскими казаками", выставили кандидатуру в В.Атаманы не ген. Богаевского "старого добровольца", а В.И. Сидорина, и только вступление И.П. Буданова против неуравновешенного ген. В.И.Сидорина в пользу кандидатуры ген. А.П. Богаевского, уже бывшего Пред. Дон.Правительства, человек в курсе дел, притом уравновешенного и спокойного, что в те нервные времена имело большое значение, и что, наконец, по его прежней службе он мог быть так по крайней мере думалось, хорошим посредником между Казаками и Великорусами.

Эти "ошибочные" сведения и притом повторяемые после их исправления, кладут тень на беспристрастность всех этих статей.

Попрежнему приводятся выдержки из Сватикова для ознакомления Казаков с их историей.

Печатаются и отрывки из готовящейся к печати книге "Казачья Голгофа" А. Ленинова, возвратившегося из советского рая.

Интересно будет прочитать возражения в статье "Орденское направление" Г. Штака на статью Н. Долгова "О дальнейшем пути Казачества", напечатанную в "Казачьем Единстве" / № 13, 14 и 15 /.

Обозреватель.

КАЗАЧЬЯ ТРИБУНА.

"ВЫБОРЫ ДОНСКОГО АТАМАНА".

Комедия в 3 актах и 5 картинах

Автор - Донская Общественность.

Акт I, картина I-ая.

От Донского Войскового Объединения.

Вопрос о выборах Донского Атамана неоднократно обсуждался правлением ДВО. На состоявшемся 22 апреля с.г. в совместном заседании Правления и Ревизионной Комиссии, после всесторонней информации и обмена мнениями было постановлено устроить Чрезвычайное Собрание ДВО с приглашением на это собрание всех донских казаков и казачек, дабы общими усилиями наметить достойный выход из несуразного и позорного для донцов позора с выборами Атамана.

Занавес.

Картина 2-ая.

На состоявшемся 31 мая с.г. собрании ДВО и дон. казаков парижского района, пришедших на это собрание, под председательством Н.М.Мельникова общим голосованием по отдельным пунктам была принята следующая резолюция:

Учитывая, что выборы Дон. Атамана были произведены на три года в 1955 г., Донские Общественные Организации и вообще все донские казаки имеют все основания признать:

1. Что атаманские полномочия закончились в августе 1958 г.

2. На том же основании признать, что все распоряжения, касающиеся назначения Гл. Избирательной и Контрольной комиссий лишены юридической силы.

3. Ввиду рассеяния донцов по всем странам мира и неизбежности большого срока для внесения умиротворения в казачью среду и для надлежащего сговора между организациями, выборы Донского Атамана отложить до 1960 г., а в течение настоящего года начать и закончить переговоры между донскими организациями и группировками:

а/ о создании Главной Центральной и Контрольной комиссий из представителей, свободно выдвинутых донскими казаками.

б/ о выяснении желательных для казаков кандидатов на пост Донского Атамана, обратив внимание на желательность избрания из более молодых общественных деятелей,

в/ о принятии мер к предварительному - до выборов Атамана выяснению по всем странам рассеяния наличность имеющих право при выборах, - для предупреждения возможных разного рода злоупотреблений при отсутствии правильно поставленных списков.

4. Приведение в жизнь выраженных пожеланий возложить на Правление ДВО, как инициативную инстанцию с предоставлением права привлечь к участию других лиц.

Председатель ДВО - В.Н. Романов.

Занавес.

Акт II, Картина 3-я.

8-го июля 1959 года.

Главная Центральная Избирательная и Главная Контрольная Комиссия по выбору Донского Атамана, на заседании 24-го мая 1959 г. в гор. Нью-Йорке, проверивши полученные избирательные бюллетени **ПОСТАНОВИЛА** : считать избранным на новое **ТРЕХЛЕТНЕ** на пост Атамана В.В.Д. генерала от кавалерии Ген. Штаба Петра Харитоновича **ПОПОВА**, казака Новочеркасской Станции Всевеликого Войска Донского, о чём объявляется всем Донским Казакам и Казачкам.

Председатель Главной Избирательной Комиссии: П. Медведев
Товарищ Председ: А. Третьяков
Члены: А. Егоров, Пр. П. Попов, Г. Артемов, Н. Маркин, С. Жеребцов.
Ген. Секретарь: Попов.

Председатель Главной Контрольной Комиссии: В. П. Журавлев.
За Секретаря: М. В. Маркина
Член: В. Воронин.

Занавес.

Картина 4-я.

От Донского Атамана Генерала П. Х. Попова к Донским Казакам.

Родные Донцы! Главная Центральная Избирательная и Главная Контрольная Комиссия по выборам Донского Атамана, уведомили меня, что на **ТРЕХЛЕТНЕ** 1959-1962 гг. я законно избран на Пост Донского Атамана Всевеликого Войска Донского.

Такова Ваша воля.

Объявляю: отныне нет никаких других Донских Атаманов кроме меня. Сердечно благодарю Вас, родные Донцы, за Ваше доверие ко мне и за высокую честь, оказанную мне: сего числа я вступаю в исполнение моих обязанностей.

Первая моя просьба к Вам, родные Донцы, забудем все **раздоры** и **непорядки**, создавшие среди нас гибельные разделения, по братски, вернемся на наш истинный казачий путь к нашему братскому единению.

Большая работа предстоит нам по самоуправлению: нужно провести на прочих бытовых началах установившийся порядок по созданию округов, станций и хуторов. Все организации должны быть построены на базе Донских Основных Законов, этой нашей святыни, которые являются нашей связью с **НАШИМ ТИХИМ ДОГОМ**.

Но, в приютивших нас странах, наш долг, наша священная обязанность - строго блюсти законы приютивших нас стран.

Мы образуем материальный Войсковой фонд и скромными взносами выполним наш долг.

Призываю Вас, родные казаки и казачки, к дружной работе?.. В час добрый - и Господь нам в помощь!

12 июля 1959 г.
г. Нью-Йорк.

Донской Атаман
Генерал П. Х. Попов.

Занавес тихо опускается.

Акт III, картина 5-я.

От Главной Центральной Избирательной Комиссии по выборам Донского Атамана.

Ввиду появления в газ. "Нов. Рус. Слово" от 8 июля и в "Рус. Мысли" от 8 августа извещения о выборах на новое трехлетие Дон. Атаманом Ген. П. Х. Попова - факт им же самим подтвержденный в обращении к донским казакам /газ. "Н. Р. Слово" от 13 июля/ считаем необходимым сообщить всем донцам следующее::

1. Ввиду того, что инструкция о выборах не была опубликована, выборы Донского Атамана ген. П. Х. Попова считать незаконным, ибо они не выражают волю Донского Казачества.

2. Мы убедительно просим донских казаков не обращать внимания на подобные объявления, имеющие в основе стремление внести смуту и разложение в ряды донского казачества, что также соответствует желанию советской власти разложить все здоровое в российской эмиграции.

3. Надо считать, что некоторые лица из ближайшего окружения ген. Попова, преследуя свои исключительно личные цели, используют его старость /95 лет/ и его уже неспособность разбираться в действительной обстановке.

Просим поступать согласно разосланной нами Инструкции.

Председатель Главной Контрольной Комиссии проф. А. М. Михеев /в отъезде/ за Э. С. Нагибин, Секретарь А. П. Сенявкин.

Занавес с шумом падает.

В следующем № мы дадим разбор этой талантливой комедии, произведение Донской Общественности.

Х.

БОЛЬШИНСТВО ОТНОСИТЕЛЬНОЕ, АБСОЛЮТНОЕ И
КВАЛИФИЦИРОВАННОЕ.

Относительно всякого голосования результаты его бывают различны: бывает большинство относительное, большинство абсолютное и большинство квалифицированное.

Начнем с определения того, что разумеется под абсолютным большинством.

Когда баллотирующийся получает половину всех голосов и сверх этого еще один голос, то про такое лицо говорят, что он получил абсолютное большинство. Так в собрании, где участвует 100 лиц, то абсолютное большинство будет $50 + 1$, всего 51; если будет участвовать 70 лиц, то абсолютное большинство будет $35 + 1$, всего 36.

Но бывает такие случаи, когда ни одно из баллотирующихся лиц не получает абсолютного большинства; напр., при 100 баллотирующихся одно лицо получило 25 гол., другое - 35, третье - 40, а 51 никто не получил; тогда уже считается избранным тот, кто получил относительно других - больше, т.е. в данном случае - 40, оно и считается избранным, хотя и не имеет абсолютного /51 г./ большинства.

Этот способ исчисления большинства применяется в самых обычных делах, но бывает такие дела, которые решаются на много лет, при установлении конституции, то в этом случае требуется уже усиленное голосование - две трети голосующих, а иногда три четверти их; при избрании, напр., римского папы требуется, т.к. он избирается на всю жизнь, три

четверти числа голосующих и еще плюс один.

Такое усиленное большинство называется к в а л и ф и ц и р о -
в а н н ы м .

Нам пишут из Германии: в Лиенц, на поминание жертв Лиенцевской трагедии ездил со мной раз казачий разъездной священник, казак-кубанец о. Тимофей Кулешов, отслуживший службу на кладбище и сказавший там очень хорошее слово. Сам он участник этих окаянных дней и сам едва ушел от выдачи. Теперь нам удалось через Союз церквей получить возможность иметь на всю Германию одного священника, который живет в Гамбурге, но объезжает постоянно всю казачью Германию, отправляя службы.

От отдельных казаков узнал я теперь, что еще в районе австрийских селений Никольсдорф и Вирке, в той же долине Дравы, есть еще 4 могилы, в которых похоронено около 30 казаков, убитых англичанами при выдаче. Немедленно войду в связь с немецким "Кригсгреберфюрзорге" и попытаюсь сделать все, чтобы останки и этих казаков были бы перенесены на кладбище в Лиенц. Эта организация нам помогла при оформлении имевшегося уже кладбища.

. . .

От РЕДАКЦИИ :

Внесли пожертвования на издание КИС, начиная с № 5, следующие лица : П.М. Аврамов - 27.7.59 по 21.8.59 - 3.750 фр.; Ф.И.Быков-8 дол. М.Ф. Буданов - 3 ав. ф., И.У. Качелинский - 15 дол., А.Аникушин - 5 д. Н.Н.Каледин - 8 д., М.И.Гаврилов - 1000 фр., Н.В.Власов /псевд./ 7 д., С.А. Бендюков - 1 англ. ф., Ф.Г. Бигдай - 5 д., А.М. Третьяков - 3 д.; А.М. Щепихину особая благодарность.

. . .

КИС выходит в ограниченном числе экземпляров. За статьи, помещенные в Сборнике за подписью автора, Редакция не отвечает.

При запросах - прилагать почтовую марку или международный купон без чего ответа не последует.

Цена сборника во Франции: 250 франк., в других странах - 1 амер. доллар.

Статьи, корреспонденцию и деньги адресовать: Mr. Boudanoff I.
288, rue de Vaugirard - Paris (15^e) - France.

. . .

Технический Редактор : И.П. Буданов.
